

Детективы 19 века

Андрей Зарин

Сыщик Патмосов

Детективные рассказы

Андрей Ефимович Зарин

**Сыщик Патмосов.
Детективные рассказы**
(Детективы 19 века)

В русской дореволюционной литературе детективно-го жанра были свои Шерлоки Холмсы и Эркюли Пуаро. Один из них — частный сыщик Патмосов, созданный писателем Андреем Ефимовичем Зариным (1862–1929).

В этой книге — рассказы, в которых Патмосов расследует убийство с множеством подозреваемых («Четвертый»), загадочное исчезновение человека («Пропавший артельщик»), а также раскрывает шайку карточных шулеров («Потеря чести»).

Содержание

Предисловие	0005
Четвертый	0007
Пропавший артельщик	0078
Потеря чести	0130

Андрей Зарин
Сыщик Патмосов
Детективные рассказы

Предисловие

Андрей Ефимович Зарин — писатель, сын переводчика и литературного критика Ефима Федоровича Зарина (1829–1892) и писательницы Екатерины Ивановны Зариной (1837–1940).

Поместил ряд романов и повестей в периодических изданиях. Как редактор «Современной жизни», в 1906 г. был приговорен к заключению в крепости на полтора года. Отдельно вышли его книги: «Тотализатор», «Засохшие цветы», «Силуэты», «Казнь», «Пожар красносельской фабрики», «Серые герои», «Спирит», «Призванье», «Карточный мир», «Говорящая голова», «Мужья и жены», «Семья», «Дар сатаны», «Потеря чести», «Мой муж», «Человеческие отношения», «Власть земли», «На изломе», «Кровавый пир», «Двоевластие», «Живой мертвец», «Темное дело», «Увлечение Пушкина женщинами», «Альбом Пушкина», «Пятидесятилетие освобождения крестьян», «На пути к свободе», «Обозрение реформ императора Александра 11», «Отечественная война 1812 года» и ряд книг для

ЮНОШЕСТВА.

Четвертый

На веранде роскошной дачи в Петергофе за внутренним кофе сидел старый, заслуженный отставной генерал князь Чеканный, а напротив — его молодая жена, Вера Андреевна.

Вдруг князь сказал, роняя газету:

— Дергачева убили, процентщика. Помнишь его, Вера? А?

Ложка со звоном упала в чашку. Лицо Веры Андреевны покрылось бледностью, и она откинулась к спинке стула.

— Что с тобой? — тревожно воскликнул генерал.

Она слабо улыбнулась и выпрямилась.

— Ничего, Валерьян, не беспокойся! Просто я услышала слово «убили»...

Генерал покачал головой.

— Опять эти нервы! Поезжай-ка ты за границу или в наше Широкое. Ты, моя рыбка, совсем о здоровье не заботишься.

В голосе генерала слышалась вся нежность его чувства к молодой жене.

Она приветливо кивнула ему.

— Поедешь ты, и я с тобою! Ну, кого убили?

Генерал, уже успокоившись, отхлебнул кофе, затянулся сигарою и, взяв газету, стал читать вслух.

— Дергачева. Помнишь, я у него выручал векселя Павлуши? Такого армянского типа, крашенный!

Вера Андреевна кивнула.

— Ну вот его! Подле Павловска. Что-то таинственное. Нашли труп. Голова разбита топором. «Хотя при убитом оказались и часы, и перстень, и кошелек, и бумажник, — убийство все же совершено, видимо, с целью ограбления, так как боковой карман пальто вывернут и даже испачкан кровью. Преступник, очевидно, вытащил из него крупную сумму, после которой не стоило уже брать кошелек с несколькими рублями». А? Вот тебе и копил денежки! Тебе дурно, Верунчик, а?

— Я прилягу, — тихо сказала Вера Андреевна, — этот случай правда ужасен. Особенно когда знали человека.

Генерал отечески-нежно поцеловал жену в лоб и оставил ее у дверей будуара.

Вера Андреевна вошла в будуар[1] и нажала кнопку звонка. Когда вошла горничная,

она сказала:

— Паша, там, на веранде, осталась газета. Принесите ее мне!

Паша вернулась с газетой.

— Оставьте на столе. Если кто придет, извинитесь. У меня мигрень.

— Слушаю! — отвечала Паша и вышла.

Вера Андреевна нашла сообщение об убийстве и стала жадно выхватывать строки глазами.

«Вчера, рано утром, сторож Павловского парка, идя к своему посту, увидел у канавы, что отделяет Царскосельский парк от Павловского, труп. По прибытии судебных и полицейских властей открыто несомненное преступление...»

А потом: «...в трупе признали небезызвестного Петербургу дисконтера[2], Антона Семеновича Дергачева, проживавшего в Павловске на даче. По показанию прислуги он, как всегда, вышел из дому около 10 часов на музыку и не вернулся. Следствие ведется энергично.» И все.

В дверь осторожно постучались.

Вера Андреевна вздрогнула.

— Кто? Что надо?

— К вашему сиятельству посыльный. Пакет принес!

— Положите! Дайте посыльному мелочи! И больше не тревожьте меня.

Вера Андреевна заперла дверь, взяла пакет, быстро вскрыла его и облегченно вздохнула.

Потом на миг глаза ее затуманились, но, отгоняя страшную мысль, она прошептала уверенно: «Не может быть!» — и опять нажала кнопку.

Паша вошла снова.

— Затопите камин, Паша!

* * *

Катя с булками и «Петербургской газетой» в руках, как сумасшедшая, вбежала в комнаты, крича:

— Барыня, барыня! Нашего Дергача убили! Вчера убили! Топором!

Молодая красивая женщина выскочила из темной спальни в одной сорочке, босиком.

— Что ты говоришь? Ты врешь? Он третьего дня был у меня!

— Ну, вот! А от нас домой, а ночью его и

хлопнули! Вот, читайте! Я нарочно газету купила! Мне в лавке Авдей сказал! Вот! — и Катя сунула в руки своей барыне газету.

Барыня опустилась в кресло и развернула газету.

— Тут вот, сейчас, как отвернете!

Барыня прочла напечатанный крупными буквами заголовок: «Убийство ростовщика».

— Читайте вслух! — попросила Катя.

Барыня стала коленками на кресло, совсем склонилась к газете и стала, медленно разбирая слова, читать описание убийства Дергачева:

— «Следствие ведется с энергией. На место преступления прибыл агент сыскной полиции. Пока еще ничего не открыто, но надо ожидать, что энергия следователя и ловкость агента скоро откроют преступника».

Барыня хлопнула рукой по газете.

— Это Степкино дело, — воскликнула она, — вот чье!

— Что вы, барыня!

— А я знаю, и ты не спорь! Дай скорее кофе, и я поеду!

— Куда?

— На него показать. Вот что!

Лицо барыни горело негодованием и обидой. Она стояла перед Катей в одной рубашке, с распущенными волосами и, махая перед ее лицом рукою, кричала:

— Что ты знаешь? Коли он сам мне грозил убить его! А теперь со мною рассорился, запил... и очень просто! Давай кофе! — окончила она и скрылась в спальне.

* * *

Николай Николаевич Савельев, двадцати трех лет, с красивым испитым лицом, проснулся в двенадцать часов дня с тяжелой головой от беспутно проведенной ночи.

Он позвонил и вошедшему человеку приказал подать себе кофе и газету.

Николай Николаевич, или Николушка, как звала его до сих пор мать, был выгнан из всех учебных заведений, включая даже частные гимназии. Отец для приличия пристроил его в правление одного банка.

Сам Савельев, вышедший из народа, был богатейшим человеком в Петербурге и пользовался широкой известностью в коммерческом мире как делец.

Николушка лежал и читал газету, как вдруг чуть не подпрыгнул, прочитав про убийство Дергачева.

Лицо его побледнело, он бросил газету и сразу выскочил из постели.

«Вот когда пропал так пропал!» — мелькнуло у него в голове, и на мгновение перед глазами пошли красные круги.

— Только Коська и выручит, — решил он вслух и поспешно начал одеваться, волнуясь и вздыхая.

Судебный следователь Виктор Иванович Ястребов встрепнулся и ожил, когда приехал на место преступления и остановился над трупом Дергачева.

Вот сколько-нибудь интересное дело и, может быть, случай выдвинуться.

На него одним глазом смотрело залитое кровью обезображенное лицо, на котором торщились седые усы. Обнаженная голова представляла сплошную рану и теперь была вся облеплена мухами.

Письмоводитель следователя, коротенький, толстый господин с красным лицом и толстым носом, звучно высморкался в синий

клетчатый платок и полез в портфель за бумагой.

Ястребов тем временем с двумя околоточными, приставом и с понятыми производил осмотр.

Труп лежал навзничь с раскинутыми руками. Следов борьбы не было видно. По белому пикейному жилету лежала массивная золотая цепь с драгоценным перстнем вместо брелока.

— А что на цепи? — спросил Ястребов.

Околоточный осторожно вытащил оба конца цепи, и на одном оказался шагомер, а на другом тяжелые мозеровские часы.

— Ограбления нет!

— А это? — сказал пристав и указал на пальто. Левая пола его была откинута, и по ее светлой подкладке проходила кровавая полоса до бокового кармана, который был вывернут.

— Очевидно, из кармана поспешно выдернуто что-то, — сказал пристав.

— Да, да! Очевидно, — подтвердил следователь. — Ну, пишите, Севастьян Лукич, а вы, доктор, делайте свой осмотр. Личность опо-

знана? Кто опознал? Молочница! Отлично!
Ну, пишите!

Доктор стал исследовать рану. Удар, видимо, раздробил череп, и от удара лопнул и вытек левый глаз. Смерть была моментальна.

— Чем его убили?

— Тяжелым и острым. Топором, но только небольшим, с силой необычайной.

— Запишем! — сказал Ястребов.

— Больше ничего? — спросил пристав. — Можно отнести труп на квартиру?

— Да! Только осмотреть все карманы!

Сторож нагнулся и стал обыскивать по очереди карманы убитого.

Часы, шагомер, цепочка; в жилетке перочинный нож; в брюках кошелек и портсигар; в пиджаке бумажник и записная книжка, носовой платок. Все.

— Соберите все и завяжите в платок. Я осмотрю после. Теперь можно унести труп. Кто знает квартиру?

Ястребов кивнул письмоводителю и в сопровождении околоточного направился к квартире Дергачева.

* * *

Ястребов расположился в небольшом кабинете Дергачева за его письменным столом, уселся плотнее в кресле, закурил и сказал:

— Начнем! Пожалуйста, — обратился он к околоточному, — соберите — сторожа, который нашел труп, молочницу, что опознала труп, прислугу покойного и дворника. Начнем с них!

Околоточный ввел сторожа.

Следователь услышал рассказ о том, как сторож шел к своему посту, увидел труп и поднял шум:

— Зовите молочницу!

Молочница только опознала труп.

— Зовите прислугу!

Лукерья вошла, и следователь при взгляде на нее невольно улыбнулся, столько в ней было задорного и чувственного.

— Как звать? Кто? Откуда? Года?

— Лукерья Анфисова, крестьянка Лужского уезда, двадцать лет, девица, православная, родители в деревне.

— Ну, расскажи, что он в этот день делал, куда ушел? Был ли у него кто, не ждал ли он кого? Все говори!

Лукерья рассказала.

— Так. Ну, а как жил он? Может, у него враги были? Была ли у него женщина? Расскажи все про его жизнь.

— Жили они очень даже тихо. Редко, коли кто у них бывал. Разве по делу, больше богатые господа приезжали. А что, женщина у них есть. Караваева, Марья Васильевна. Племянник тоже есть. Только они его от себя прогнали совсем.

— За что?

— Поссоримшись были. Племянник пьет и, как напьется, сейчас его ругать. Жидом зовет, процентщиком и всяко! А им неприятно.

Глаза следователя сверкнули.

— Вот! А кто он? Как звать его?

— Господин Трехин, Степан Петрович. А что делает, не знаю. И где живет, не знаю. Озорник!

— Ну, что еще показать можете?

— А больше ничего не знаю!

— Идите! Кто там еще? Дворник? Зовите дворника!

Но вместо дворника в комнату вошел среднего роста, крепкий, с энергичным, умным

лицом господин.

Следователь вопросительно взглянул на него.

Вошедший галантно поклонился ему и сразу выяснил свою личность:

— Присланный из Петербурга агент — Алексей Романович Патмосов.

Лицо Ястребова приняло приветливый, но и начальнический вид.

— А! Очень рад! Отлично, помогите нам! Я сейчас кончу последний опрос дворника! А вы бы на место преступления сходили.

— Я уже был, — ответил Патмосов.

— Ну, и отлично! Там, собственно, ничего существенного. Так я продолжаю!

— Прошу! — сказал Патмосов. — А мне позвольте найденное при убитом.

— Пожалуйста! На том столе!

Патмосов присел к столу, развернул узел и начал методически осматривать каждую вещь. Околоточный ввел дворника.

* * *

Алексей Романович Патмосов являлся сыщиком по призванию, и сам Иван Дмитриевич Путилин[3], наш российский Лекок, отли-

чал его за исключительные способности и остроумие.

В настоящее время этого Патмосова знают все, кому он нужен.

Он уже не служит агентом, занимаясь розысками по просьбе частных лиц, но к нему нередко обращается и сыскная полиция в затруднительных случаях.

* * *

Следователь обратился к дворнику с обычными вопросами и в заключение спросил:

— Ну, что вы можете показать?

Дворник, молодой парень в новых сапогах, переставил ноги, переложил в другую руку фуражку и сказал:

— Так что барин как барин. За дачу заплатил сразу. Мне тоже платил аккуратно, только скупехонек был. Я ему переносил мебель, так он всего двадцать копеек дал, а обыкновенно рупь дают...

— Бывал ли у него кто-нибудь?

— Так что не замечал. Был тут два раза такой молодой господин, опять, евонная барыня была раз, а то никого.

— Ну, больше ничего! — хотел подвести

итог следователь.

— Позвольте еще один вопрос, — мягким голосом произнес Патмосов.

Следователь с неудовольствием взглянул на него и сухо сказал:

— Пожалуйста!

Патмосов обратился к дворнику:

— Скажи мне, голубчик, у Лукерьи, что здесь служит, никого нет? Ни брата, ни ку-ма?...

Дворник широко улыбнулся.

— Как же без этого быть! При ей питерский состоит. Как барина нет, так он и здесь!

— А кто он?

— Говорит, слесарь, а звать Прохором. Ухарь.

Следователь насторожился и быстро вмешался в допрос.

— Говоришь, он часто бывает? Когда был последний раз?

— А вчера; весь день. Барин ушел, а через полчаса времени она его до калитки проводила.

— Барин знал про него?

— Нет! Он словно сам путался с Лукерьей,

так она прятала своего-то.

— Иди!

Дворник поклонился и вышел.

— Вы теперь еще раз Лукерью спросите, — предложил следователю Патмосов.

— Да, да, я это хотел! Позовите прислугу! — распорядился следователь.

Теперь, когда вошла Лукерья, он уже не улыбался ей и принял суровый вид.

— Я позвал вас снова, — начал он, — чтобы спросить, кто такой этот Прохор, который к вам ходит, где он живет и когда он был у вас в последний раз? — при этом он испытующе посмотрел на Лукерью.

Лукерья сразу изменилась в лице, но через мгновение оправилась.

— Земляк мой. Вот и ходит. А был вчерась и ушел, когда барин спал. Торопился на восемь часов.

— Как его фамилия, и где он живет?

— Резцов фамилия, а живет в Десятой роте [4], у Селиванова.

— Номер дома знаете?

— Дому четырнадцать, а квартире тридцать восемь.

Патмосов написал на бумажке несколько слов и через письмоводителя передал Ястребову.

Тот прочел и сказал околоточному:

— Введите Копытова!

Околоточный снова ввел дворника. Лукерья исподлобья взглянула на него, и на лице ее выразилась тревога.

— Скажи точно, когда ушел с дачи этот Прохор? — спросил его следователь.

Лукерья стала белее бумаги.

— С полчасика после барина. Так что уж десять часов пробило.

— И врешь! — вдруг резко сказала Лукерья. — Это ты из ревности брешешь! Восьми не было!

— Говори! Я ж видел, как ты его провожала, а раньше того барин вышел.

— Врет он, господин судья, — заговорила Лукерья с яростью, — с ревности часы спутал.

— Да уж темно было, а в восемь разве темно?

— И темно не было!

— Ну, будет, — остановил их следователь, — идите!

Они вышли, переругиваясь.

— На сегодня все! — сказал следователь. — Собирайтесь, Севастьян Лукич! Ну, что вы нашли, что скажете? — обратился он к Патмосову.

Патмосов встал.

— Сейчас ничего не могу вам сказать, а завтра что-нибудь выяснится.

— Так, так! Завтра уже ко мне в камеру[5] пожалуйста! Я там буду!

Патмосов поклонился.

— А за Прохором что-то есть! Кажется, мы на следу! — сказал следователь.

* * *

Ястребов ходил по своей камере, которая помещалась в его квартире, в Царском, и говорил письмоводителю:

— Мы должны с вами разыскать убийцу. Это первый интересный случай в моей практике. А то все воровство, кража со взломом, пьяные мазурики, мужичье. Этого же весь Петербург знает. Да!

— Господин Патмосов, — доложил сторож.

— Зови, зови! — закричал Ястребов и встал с кресла навстречу сыщику. — А, здравствуй-

те! Садитесь. Что новенького?

Патмосов поздоровался с ним, с Флегонтовым, сел и сказал:

— Да особого ничего; так, общие приметы...

— Ну, ну, поделитесь.

— Вот-с как мне пока представляется убийство.

Патмосов закурил и начал рассказ:

— Убитому Дергачеву кто-то назначил в этом месте свидание ровно на десять часов вечера. Дергачев, как вам известно, вышел сам около десяти и прямо пошел на свидание, придя с опозданием минут на десять. По-видимому, он кого-то встретил на дороге и пошел медленным шагом. Его встретил высокий, крепкий и нервный господин, и они стали о чем-то беседовать, спорить, снова беседовать. Потом спор обострился. Нетерпеливый господин не выдержал. Трах! И готово! А когда убил, то выхватил из его кармана то, что нужно, и ушел.

Следователь слушал его, кивая головою и слегка улыбаясь.

— Так, — сказал он. — Отлично! А чем уда-

рил этот господин Дергачева, и что он вытащил из его кармана?

Патмосов засмеялся.

— Я не ясновидец! Впрочем, ударил он его чем-то вроде топорика. Может, косарем[6].

— А что украл?

— Бумаги! — уверенно ответил Патмосов. — Только не деньги. Видите ли, этот Дергачев ничем не брезгал и любил нечистые векселя. Так вот... такие векселя. А может, и деньги!..

— Может, деньги, может, не деньги, — усмехнулся следователь. — Так! Ну, а откуда у вас все эти подробности, дорогой.

— Алексей Романович, — подсказал Патмосов. — Какие подробности?

— Виноват, простите! Да вот насчет времени, роста, нетерпения и прочая.

— Это пустяки, — улыбнулся Патмосов, — вы сейчас сами увидите. У покойника оказался шагомер в кармане, а на шагомере значится пять тысяч семьсот шагов. Я стал мерить. От дачи убитого до мостика, что ведет в парк, ровно три тысячи двести шагов, то есть минут двадцать ходу, а так как он вышел совсем

перед десятью, то, значит, пришел минут на десять-пятнадцать после десяти. Ясно?

Следователь кивнул.

— А что тот ждал в нетерпении, так видно по окуркам папирос. Он грыз их и подле мостика набросал целую кучу. Характерные окурки! — и Патмосов положил на стол сверток бумаги, в котором оказалось штук двадцать папиросных окурков. Они были с непомерно длинными мундштуками, причем самые мундштуки были изгрызаны. — Я их вчера собрал, — заметил Патмосов. — По дорожке валялись, а у мостика штук десять. Понятно, нетерпеливый.

— Ну-с, а рост?

— Да Дергачев роста среднего, а тот его по темени бил! Очевидно, высокий. Теперь дальше-с. От ворот до мостика я сосчитал девяносто шагов, а осталось, по шагомеру, две тысячи пятьсот. Вот они и ходили взад и вперед. Раз тридцать, а что иногда останавливались — видно было опять по окуркам. В ином месте вдруг три окурка.

— Что же вы думаете? — спросил следователь.

— Я бы пересмотрел его бумаги и записки. Быть может, там какой-нибудь намек. Вы смотрели бумажник?

— Смотрел; семьдесят пять рублей и три письма от какой-то любовницы.

Патмосов промолчал, потом сказал:

— Вы позвольте мне их?

— Сделайте одолжение. Севастьян Лукич, дайте! Ну, что вы еще узнали?

Патмосов осторожно взял три почтовых листика, уложил их в свой бумажник и ответил:

— Насчет Лукерьи и Прохора... Оба хороши, Лукерья судилась за кражу у барина на одном месте, где она служила. Но была оправдана, а этот Прохор два раза в тюрьме сидел за кражи.

Следователь вскочил.

— И вы молчали! Вот вам и убийца! Арестовать его, и все!

— Ваше дело, — сказал Патмосов.

— И думать нечего! Вот вам приказ. Пожалуйста! Заодно и обыск у него сделать, и сейчас же его ко мне переслать!

Догадливый Флегонтов уже написал поста-

новление и подал Ястребову. Тот подписал бумагу и передал ее Патмосову. Патмосов встал.

— Так я пойду!

— Пожалуйста!

В это мгновенье вошел сторож.

— Барыня вас видеть хочет. Сказывает, на счет убийства!

— Проси! — быстро сказал следователь и обратился к Патмосову: — Вы останьтесь!

Патмосов поклонился и отошел в угол камеры, где сел на стул. В то же время в комнату порывисто вошла пышно и безвкусно одетая дама и обратилась к следователю:

— Вы господин следователь?

— К вашим услугам! — галантно ответил Ястребов, подавая стул.

— Который по убийству Дергачева?

— Совершенно верно!

— Я знаю убийцу! — сказала дама и, стукнув зонтиком, вызывающе оглядела стены камеры, следователя, письмоводителя и скромно сидящего Патмосова.

* * *

Следователь смутился.

— Сударыня, это так важно! Вы позволите

записать?

— Пишите, мне все равно! Как только Катя мне сказала, я сразу! Я его не боюсь, мерзавца...

Следователь мигнул письмоводителю и заговорил:

— По порядку, сударыня. Имя, отчество, звание и все прочее?

— Знаю, знаю! Звать меня Караваева, Марья Васильевна, кронштадтская мещанка, сирота, православная, двадцать четыре года, цеховая портниха. Вот и все! Довольно?

— Великолепно, — улыбался следователь, — теперь что вы имеете передать по делу об убийстве Дергачева?

— А кто убийца! Видите ли, я прямо, — начала она, оборачиваясь то к Ястребову, то к Флегонтову, я прямо скажу, что была на содержании у Дергачева. Скупой был покойник. Правда, возил гулять, платья дарил, вещь, коли заклад просрочен.

— Как? Он под вещи давал?

— А то как же! По клубам больше. Проиграются и закладывают.

— Так. Продолжайте.

— А денег всего сто рублей давал. У него племянник Степан Петрович Трехин. Только совсем разбойник. Пьет и буянит. Я уж вам всю правду говорю. Я попуталась с ним и даже денег ему давала, только с ним одно горе. А тут он с Дунькой связался. Да! Она у Коровина на содержании. Так вот. Этот Дергачев, покойник, царство ему небесное, раз мне и говорит: «Никого у меня нет. Люби меня крепко, а я на тебя все отпишу». Вот как я поссорилась со Степкой, и скажи ему это. Как он зарычит, как вскочит! «Да я, — кричит, — убью раньше того!» И убежал. Это в субботу было, а нынче читаю — и убил! Понятно — он!

Она порывисто перевела дух. Наступила тишина. Флегонтов торопливо подал бумагу следователю. Ястребов прочел вслух показание.

— Теперь подпишите его!

— С удовольствием.

Она сняла перчатку и старательно вывела свою фамилию. Потом встала, взяла зонтик и сказала:

— Я вас очень просить буду поискать завещание.

— Есть, так отыщем! Ваш адрес?

— Поварской, дом пять!

— В случае чего мы вас потревожим. А Трехина адрес?

— Жил на Невском, пятьдесят четыре, в мебелирушках[7], а сейчас не знаю!

— Благодарю вас!

— А убил он, это я знаю!

Каравалева сделала общий поклон и, шурша юбками, вышла.

— Ну, что вы думаете? — спросил следователь.

— Разузнать надо, — сказал Патмосов.

— Непременно! Севастьян Лукич, напишите повестку Трехину.

— А как насчет Прохора Резцова? — спросил Патмосов.

Следователь развел руками.

— И не пойму! Вот история! Понятно, арестуйте. Что на него смотреть! Не он — отпустим! Теперь у нас двое.

* * *

Трехина искать не пришлось. Он приехал в квартиру убитого дяди и тотчас начал распорядиться в ней как хозяин.

Это был господин лет тридцати трех, с типичной наружностью отставного поручика-скандалиста.

— Где ключи? — спросил он у Лукерьи, едва вошел в комнату.

— У следователя и пристава. Пришли, все описали, печати присургучили и ушли!

— Так! А ты стащить много успела? А? Ха-ха-ха! Ну, там я с ними поговорю! А теперь устрой закуску и водки! Скоро!

Лукерья засуетилась готовить завтрак новому барину.

Он прошел в спальню, где, не снимая сапог, растянулся на дядюшкиной постели. Лукерья принесла ему завтрак.

— Свои истратила, — сказала она.

— Ничего, сквитаемся, — ответил Трехин и, обняв ее под колени, привлек на постель.

— Ну, говори, старый хрыч путался с тобою? А?

— Что это вы, какие глупости! — кокетливо усмехнулась Лукерья, оказывая ему слабое сопротивление.

— Рассказывай! Он ко всякой бабе, как муха к меду! Машка была?

— Была. К следователю ездила и на вас показала, а потом сюда.

— На меня? Что на меня?

— А что вы дядюшку своего убили! — сказала Лукерья.

Трехин выпустил ее и вскочил.

— Это она на меня! Ха-ха-ха! Со злости, значит. От великой ревности. Ну, уж и оттреплю я ей шиньон! Будет знать Степана!.. А что ей наследство улыбнулось — это верно!

— Она сказывала, что он уже написал.

Трехин опять вскочил и вытаращил глаза, словно подавился куском.

— Врет! — заревел он через мгновение и вдруг, схватив фуражку, вихрем вынесся из комнаты...

Следователь только что окончил обед и собирался отдохнуть, когда слуга доложил ему о господине, который непременно хочет его видеть.

— Обязательно и непременно! — раздался сильный голос, и в комнату вошел Трехин.

Ястребов встал и вопросительно посмотрел на него.

— Трехин! Степан Петрович, оговоренный

девицей Караваевой в убийстве своего дяди и, между прочим, пришедший узнать о наследстве, так как нет ни гроша! А по оговору готов отвечать.

Ястребов на мгновение растерялся.

— Простите, теперь неслужебное время, и по делу я вас прошу прийти ко мне завтра к одиннадцати часам.

— Очень хорошо!

— Что же до наследства, это меня не касается. На ввод есть законный срок, а до той поры все у судебного пристава.

Трехин словно опомнился.

— Очень хорошо! Прошу извинить! До завтра! — и, щелкнув каблуками, он повернулся и вышел.

Ястребов лег на диван.

— Чушь, — сказал он вполголоса, — убийца так открыто не появился бы. Просто баба из ревности наплела... Однако рожа разбойничья, — через минуту пробормотал он, — в уголовной практике встречаются всякие наглецы. Завтра выясню, — решил он и закрыл глаза.

Патмосов вышел из вагона и, не заходя домой, направился в меблированные комнаты на Невский, в дом пятьдесят четыре.

— Где здесь живет Трехин? — спросил он дворника.

— А в номере шестнадцать, у Анфисовой. Вон лестница направо, — указал он.

Патмосов поднялся по лестнице, остановился у квартиры № 16 и позвонил.

Незапертую дверь открыли, и Патмосов увидел высокую старуху с нечесаными волосами и выпученными глазами.

— Трехин, Степан Петрович, дома? — спросил он.

Старуха энергично трянула головой.

— Третий день нет. Как ушел, так и нет. Вам что?

— Дело есть. Позвольте ему записку оставить.

— А, сделайте милость. Войдите к нему. Вот дверь направо!

Патмосов отворил дверь и вошел в типично меблированную комнату. Он подошел к письменному столу и присел.

В комнате появилась старуха и спросила

его:

— Вы кто же будете? Из приятелей?

Патмосов кивнул.

— Чай, по «Зеленому якорю»? — сказала снова старуха и продолжала: — Его нет, а в газетах пишут, что его дядюшку ухлопали. Наследник теперь. То-то начудит!

— Не без этого! — вставил Патмосов.

Старуха подошла ближе и понизила голос:

— А он-то его ругал да поносил! Как напьется, так и ругать его! Тут в субботу вернулся пьяный-пьяный и ну кричать: «Убью я его, пса старого!» Даже страшно. Ан и накликал!

Патмосов встал.

— Я лучше зайду завтра!

— А записку?

— Нет, я уж на словах.

— Как знаете, а коли его завтра не будет, объявку сделаю и комнату сдавать буду. Ну его!

Патмосов отправился в сыскное и попросил найти Резцова, дав его адрес.

— Просто сыскать?

— Да! И если он есть на квартире, известить меня, а нет — поискать по городу и то-

же меня известить. Арестую я сам!

Дома Патмосов достал бумажник, вынул из него три почтовых листика и начал внимательно прочитывать их.

Это были три письма, писанные, несомненно, одной и той же женщиной к любимому человеку, и для Патмосова, по мере чтения их, становилось ясно, что процентщик не может получать таких писем.

Первое письмо начиналось воплем любящего сердца: «Сережа, не мучай меня так безжалостно!» Дальше шло страстное объяснение в любви и опять просьба не говорить о чем-то — «об этом».

«Я не могу решиться на это никогда, никогда, — читал Патмосов. — Он для меня отец, я для него дочь. Могу ли я надругаться над его чувством и оставить его одинокого! Я и так считаю себя подлой, подлой. Не мучай же меня, Сережа, и не говори мне об этом», — оканчивалось письмо, и после него подпись: «Твоя В.».

Второе письмо касалось ребенка — «маленького нашего Сережи». «Я была вчера у него», — написано было дальше, и следовало

восторженное описание младенца.

И, наконец, третье — не письмо, а записка: «Бога ради, съезди туда и сегодня же сообщи мне, что с С.? У нас прием, и я как арестованная. Бога ради!»

И все.

Как они попали в бумажник Дергачева? Кто этот Сережа, эта В.? И что-то подсказывало Патмосову, что в этих письмах тайна убийства.

* * *

Следователь еще спал, когда наутро следующего дня к нему приехал Патмосов и прямо прошел к нему в спальню.

— Вы извините меня, что я прямо лезу, но времени мало, — здороваясь, сказал он лежащему в постели Ястребову.

Ястребов встрепнулся.

— Что-нибудь новое?

— Резцова арестовал.

— Что же он?

— Сказать не могу, но странного много. Двадцать седьмого он ушел из квартиры и не показывался в ней. Я отрядил искать его по всем вертепам, и вот на Подольской, в непо-

требном доме, его нашли совсем пьяного. Он угощал компанию и хвастал деньгами. Я приехал и арестовал его. Свез в отделение к нам, и там у него нашли четыреста рублей и серебряный портсигар с монограммами.

— Спрашивали? — быстро спросил Ястребов.

— Украл, несомненно, но путает. Что был у Лукерьи, сознается; а где ночь провел — не указывает.

— Ну вот! Понятно, он убил! — воскликнул Ястребов. — Где же он?

— Вам его сегодня к одиннадцати часам доставят.

— Вы будете?

— Нет, я хочу на похороны сходить.

Ястребов стал одеваться, а Патмосов собрался уходить.

— Вот найденное у него и протокол обыска, — сказал он, кладя на стол деньги в засаленном кошельке и массивный портсигар.

— Из залогов, верно, — предположил Ястребов.

— Вы позволите взять его на несколько часов? — попросил Патмосов.

— Пожалуйста!

Патмосов ушел, а Ястребов напился чаю и прошел в камеру.

Флегонтов был уже на месте.

— Ну, Севастьян Лукич, — весело сказал Ястребов, — убийца-то, кажется, у нас. Сейчас приведут.

— Кто же это, Виктор Иванович?

— А Резцов, слесарь Резцов!

— Патмосов то же говорит?

— Он и арестовал. Да что он! Знаете, они все сыщики только, как ищейки, если их по следу пустить. А чтобы додуматься до истины...

В этот момент дверь распахнулась, и в камеру в сопровождении сторожа ввалился Трехин.

— Вот и я! Честь имею кланяться!

Ястребов сердито посмотрел на него и строго сказал:

— Надо было доложить о себе, а не врываться.

— Я и не врывался, а если ваш сторож свою сигарку курит, мне некогда ждать. Я хочу еще на погребенье поспеть.

— Садитесь! — сказал ему Ястребов.

— Сел! — Трехин опустился на стул, вытянул ноги и закурил папироску.

— Рекомендую вам говорить только правду, — предупредил Ястребов и предложил обычные вопросы.

— Трехин, Степан Петров, православный, тридцати четырех лет, холостой, дворянин, поручик в отставке. Вот! Под судом не был, у следователя впервые!

Трехин затаился папироской.

— Так. Так вот, некая девица Караваева обвиняет вас...

Трехин резко повернулся на стуле.

— В убийстве дяди! Ха-ха-ха!

— Что вы можете сказать по этому поводу? — сухо спросил следователь.

— То, что она — дура! Захоти я, и она сегодня же придет к вам и будет клясться, что наплеала, но мне плевать!

— Однако вы не любили своего дяди?

— За что любить? Жид, закладчик.

— Вы грозили убить его?

— И не раз! И убил бы, если бы на момент попал, — сверкая глазами, ответил Трехин.

— Гм. И вот он убит. Где вы были двадцать седьмого числа?

— Разве я помню!

— Ну, постарайтесь припомнить. Припомните хотя, были вы в Павловске или нет?

— В Павловске? Был!

— И поздно уехали?

— В час ночи.

— И дядю видели?

— Видал.

— Где?

— На вокзале. Он шел и разговаривал с одним молодым человеком. Пошел мимо театра, по дороге к павильону.

Следователь быстро переглянулся с Флегонтовым.

— Ну-с, а вы, значит, сзади шли.

— Да, — угрюмо ответил Трехин, — я с ним говорить хотел.

— И что же?

— Не дождался, когда он кончит, и бросил их.

— Куда же вы пошли?

— А это уж мое дело, — резко ответил Трехин.

— Совершенно верно. Потрудитесь подписать ваши показания.

— С полным удовольствием! — и Трехин с росчерком подписал свою фамилию. — Извольте!

— А теперь, господин Трехин, — сказал следователь, — я вас должен арестовать и препроводить в тюрьму!

Трехин вскочил и иступленно завопил, тараща глаза:

— Что ж, вы мне не верите? Дворянину не верите? По оговору девки я — убийца?

— Пожалуйста, не кричите! — сказал Ястребов. — Возьмите его! — приказал он вошедшей тюремной страже.

Трехин хотел что-то сказать, приостановился, но вдруг с отчаянием махнул рукою и вышел из камеры. В эту минуту вошел городской с рассыльной книгой.

— А! Резцова привели?

— Так точно-с! — ответил городской, подавая книгу Ястребов расписался.

— Впустите его!

В камеру широким шагом вошел Резцов и остановился у порога с видом привычного ко

всему человека.

Это был парень лет тридцати, типичный мастеровой, в высоких сапогах и пиджаке поверх парусиновой[8] грязной блузы.

— Вас вчера задержали в доме терпимости на Подольской улице?

— Так точно.

— Кутили?

— Так точно.

— На какие же деньги?

— Нашел. Шел это ночью по Загородному мимо полка и нашел. Лежит папиросница. Я ее взял, а в ней деньги.

— Так. Лукерью Анфисову вы знаете?

— И очень даже хорошо. Земляки.

— Когда вы у нее были в последний раз?

— Позавчера, двадцать седьмого числа.

— И пробыли?

— Так часов до восьми. На восьми уехал.

— А не поранее?

— Никак нет. Спросите ее.

— Хозяина Дергачева вы видели?

— Не видел. Лукерья ходила в комнаты. Он обедал, потом спал.

— Так что вы ушли после него?

Резцов чуть улыбнулся и ответил:

— Зачем после, когда в восемь часов?

— А он ушел в котором часу?

— А я-то почему знаю? — уже резко ответил

Резцов.

— Пока довольно, — сказал следователь и приказал увести Резцова.

— Господин просят войти, — сообщил сторож и подал Ястребову карточку.

Ястребов прочел: «Карл Эмильевич Розенцвейг».

— Проси!

В комнату вошел маленького роста, седой старичок, одетый в длинный нанковый[9] сюртук, с тростью в руке.

Он церемонно поклонился, сел и, обернувшись всем корпусом к Ястребову, заговорил:

— Я за убийств господин Дергачев прошу взять господина Савельев. Да! Молодой господин Савельев. Николай Николаич! А почему? Господин Дергачев и я с ним давали денег под вексель, под гут вексель. И Савельев давал два вексель на тысячу двести рублей и брал у нас деньги. А потом мы узнал, что его папаша не давал свой подпись.

— Значит, этот Савельев дал вам с чужой подписью вексель?

— Да! [10] С подписом отца, коммерц-советник Савельев.

Следователь кивнул.

— Да! — продолжал немец. — А двадцать восьмого им был срок, и я видел, как Савельев этот был в Павловск и ловил Дергачев и был пьян. Это он убил его и взял вексель!

— Завтра я осмотрю бумаги покойного, и если этих векселей не окажется, я приму к сведению ваше сообщение.

— Пожалуйста! Это очень дурной молодой человек! Николай Николаевич, сын Савельева, свой дом на Гороховой, у Красного моста. Это он сделал!

Немец встал, торжественно откланялся и вышел. Ястребов вскочил с кресла.

— Вот вам и третий! Что вы скажете?

— Трудное дело, Виктор Иванович, — вздохнув, сказал Флегонтов. — Запутанное дело!

* * *

Патмосов подоспел к выносу тела.

Мимо него пронесли гроб и прошли

немногие из провожавших, какие-то женщины и между ними Марья Васильевна. Лукерья собиралась запереть двери и идти тоже, когда Патмосов нагнулся и как будто поднял с порога серебряный портсигар.

— Смотри, обронил кто-то!

Лукерья взглянула на вещь и побледнела. Дверной ключ упал у нее из рук.

— Узнала? — тихо сказал Патмосов.

— Ничего не узнала! — грубо ответила Лукерья. — А напугали вы меня!

— Ну, так моя находка, — усмехнулся Патмосов и пошел к кладбищу.

Скоро он догнал процессию и зорко осмотрелся, но ничего из того, чего он ждал, не увидел.

Он дошел до кладбища, был в церкви и уехал домой с твердым решением отыскать «Сережу» и «В.».

* * *

На другой день Патмосов, еще лежа в постели, получил от Ястребова телеграмму, которой тот звал его к себе.

— Ишь его разбирает, — усмехнулся Патмосов и, отложив письмо в сторону, стал оде-

ваться.

В это время раздался звонок, и в комнату Патмосова заглянула прислуга.

— Вас один барин повидать хочет! — сказала девушка.

— Проси!

Окончив туалет, Патмосов вышел в свой рабочий кабинет, куда уже входил пожилой господин, одетый с изысканной простотой.

— Алексей Романович Патмосов?

— К вашим услугам!

— Я к вам с рекомендацией от Ивана Дмитриевича, — сказал гость. — Выручайте, а я уж не обижу!

Гость протянул визитную карточку Путилина, на которой Патмосов прочел просьбу оказать всякое содействие подателю.

— Чем могу служить? Садитесь!

Гость опустился в кресло.

— Меня зовут Николай Поликарпович Савельев. Может, слышали?

Патмосов поклонился с улыбкою.

— Как же не знать Савельева!

— Известно вам, что у меня есть сын?

Патмосов кивнул.

— И о нем все известно?

— Не у дел, любит кутить, тратить...

— Сегодня, в шесть часов утра, я побывал у его приятеля, большого мерзавца, Константи́на Дми́триевича Носо́ва. Ну-с, так тот объяснил, что сын мой дал этому Дергачеву с моей подписью векселей на тысячу двести рублей, получив восемьсот рублей, и двадцать седьмого, заметьте, был у него в Павловске, а двадцать восьмого им срок. Вот и все.

— И вы думаете?...

Савельев вытер платком вдруг вспотевшее лицо.

— Ничего не думаю и всего ожидаю. Так вот, просьба. Расследуйте это дело и, если можно, спасите мальчишку! — Савельев взял за руку Патмосова.

Патмосов сочувственно пожал его руку и ответил:

— Будьте покойны, по простому подозрению его не привлекут. Я выгорожу. А теперь вы можете взять его на поруки. Я сейчас еду в Царское.

Савельев встал.

— Я не забуду вам этого!

— Глупости! — ответил Патмосов, провожая гостя до самых дверей.

«И с чего он схватил Савельева?» — думал Патмосов через полчаса, идя к вокзалу Царскосельской железной дороги.

* * *

Ястребов встретил его радостный и возбужденный.

— Вы у меня обедаете, — сказал он, — и поговорим. Я другими делами занят, но скоро освобожусь. Вы необходимы мне!

Патмосов поклонился.

До обеда было еще добрых три часа, и он не спеша направился к Павловску, мимо того места, где было совершено убийство.

Он шел дальше, глубоко задумавшись, когда вдруг услышал густой лай большой собаки; он обернулся; его нагонял всадник, а впереди всадника бежал огромный дог, оглашая пространство лаем.

Вдруг к ногам Патмосова упал предмет, при виде которого он вздрогнул всем существом.

Это был окурок папиросы. Окурок с таким же длинным мундштуком, такой же толщи-

ны, как те...

Патмосов с жадным любопытством взглянул в сторону удалявшегося всадника и увидел только широкие плечи и густые каштановые волосы, прикрытые соломенной шляпой.

Он рванулся было бежать за ним, но потом одумался, добрался до первой скамейки и сел на нее. Подле него дворник мел дорогу.

— Богатое место! — сказал ему Патмосов.

— Мое-то? — удивился дворник.

— Не ваше, а эта дорога! Сколько по ней собственных экипажей едет, сколько тысячных коней! А верхом! Вон сейчас проскакал. Кто это? Не знаете?

— Где их всех знать! Этот из Царского. Часто ездит. Пронесется туда, потом назад — и все! Завсегда с собакою.

Патмосов встал, кивнул дворнику и бодрым шагом пошел к Ястребову.

— Мы на балконе сядем, — сказал следователь радушно, — жара! У меня великолепнейшая ботвинья[11]!

Они съели ботвинью, съели отбивные котлеты, малину со сливками, и, наконец, прислуга подала коньяк и кофе. Ястребов налил

кофе, предложил гостю сигару, рюмку коньяку и наконец, раскурив сигару, откинулся к спинке плетеного кресла.

— Ну-с, дорогой Алексей Романович, теперь поговорим! Вы знаете, я вчера еще арест сделал и ни свет ни заря уже допрос снял.

— Молодого Савельева? — сказал Патмосов.

Ястребов вытаращил глаза.

— Вы откуда знаете?

— Я все знаю, — улыбнулся Патмосов, — но что же вы от него узнали и почему арестовали?

— На него вчера показания сделал компаньон Дергачева, Розенцвейг.

— Так!

— Он видел его с Дергачевым — раз, а два — у Дергачева были векселя с подложной подписью, работы этого господина Савельева.

— Так!

— Но что важно, на него указывает Трехин. Наконец, Савельев сказал сперва, что не видел, потом видел, и совершенно не говорит, где был ночью. Вот видите, подозрительно? А? Да, да! И еще! Векселей его я не нашел

у Дергачева. Вчера с судебным приставом все пересмотрел. Векселей куча, и все по срокам разложены, а его векселей нет! А?

Патмосов молчал. Ястребов поправился в кресле.

— Теперь этот Трехин! — заговорил он снова. — Тоже не говорит, где ночь провел, тоже видел Дергачева, и ко всему — неистовый человек. Совершенно одержимый! А убить — расчет, едва он узнал, что наследство может мимо носа пройти. А?

Патмосов опять промолчал.

— И, наконец, Резцов! Этот — прямо разбойник. Был на очной ставке с дворником и все свое: «Уехал в восемь часов, а деньги — нашел!»

— Портсигар Лукерья признала. Вот он!

Патмосов положил портсигар на стол и передал эпизод с Лукерьей.

— Вот видите! — оживился Ястребов и заговорил просительным голосом: — Теперь все от вас зависит, голубчик, Алексей Романович!

— Что же от меня-то?

— Обличить их надо! Где были, когда выехали, как убили, чем. Я вам бумажки уже из-

готовил. Сделайте обыски у них, опросите всех. Господи, да вы уж знаете все это! — взмолился Ястребов.

Патмосов встал, встал и Ястребов.

— Вот эти бумажки. Пожалуйста!

— Хорошо, я сделаю, — сказал Патмосов, прощаясь с хозяином.

— Ну вот. Ведь из трех уж, наверное, один убийца!

— Четвертый! — засмеялся Патмосов и, пожав руку хозяину, вышел в сад.

* * *

По пути домой Патмосов размышлял: «Который из трех? Да, понятно, четвертый! И этот четвертый — тот всадник с собакою. И это — убийство не для грабежа. Все ясно. А тайна — в письмах и там, подле Серёжи! Да, да!»

Дома он сел к столу, взял лист бумаги и написал:

«Уважаемый Николай Поликарпович! Знаю наверное, что сын ваш не совершил этого дела. Что касается опрометчиво подписанных бумаг, то они исчезли неизвестным образом. Ваш...».

Он подписался, вложил письмо в конверт и надписал адрес Савельева.

* * *

Таинственный всадник был найден Патмосовым на другой же день.

В двенадцать часов дня он уже сидел на той скамье, в парке Павловского вокзала, подле которой вчера видел всадника, курил, читал газету, гулял по аллее, а время ползло, как черепаха.

Но вот пошел второй час, и на аллее из Царского показался всадник. Патмосов внимательно разглядел его.

Это был красавец блондин лет тридцати шести, с окладистой русой бородой, с пышными волосами, богатырь по сложению. Он ехал медленным шагом, держа руки на луке седла.

«Теперь ждать, когда поедет обратно», — решил Патмосов и пошел по прямой аллее до первого поворота в Царское. Этого места всаднику не миновать.

И опять потянулись часы ожидания.

Но вот раздался лай собаки, и показался всадник.

На этот раз он ехал крупной рысью и мер-

но подскакивал на седле.

Патмосов проводил его глазами до следующего поворота и, заметив направление, быстро пошел за ним. Дойдя до поворота, он увидел сторожа парка и спросил его:

— Скажите, в каком направлении проскакал господин на лошади? Еще с ним большая собака. Я поднял портсигар, который он обронил! — и Патмосов показал серебряный портсигар.

— А прямо в ворота и налево!

Дойдя до Софии, Патмосов с тем же вопросом обратился к городовому.

— По этой улице!

Дальше, на углу Велиовской, городской ему сказал:

— Господин Санин, дом номер девять!

Первая часть задачи была выполнена. Патмосов прямо направился в полицейскую часть, назвал себя и попросил дать справку о Санине.

— В одну минуту! — с готовностью отозвался пристав. — Богатейший барин. Художник. Портреты пишет и, говорят, дешевле двух тысяч не берет! А? Зовут Сергеем Матве-

евичем, а живет здесь в гостях, у князя Таруханова, кирасира.

— А в городе?

— В городе у него мастерская. Позвольте! — он заглянул в листки. — Тучкова набережная, три. Ишь куда занесло!

— Благодарю вас!

Патмосов почувствовал смущение. Такое лицо вряд ли может быть убийцей.

Вдруг он остановился посреди дороги и крепко хлопнул себя по лбу. А! Он — Сергей, и тот — Сережа! Что же это значит?

* * *

На другой день Патмосов нарядился денщиком[12] и направился на Тучкову набережную, три.

На тяжелой, массивной двери он прочел дощечку: «Сергей Матвеевич Санин» и смело дернул шнур звонка. Дверь отворил молодой человек плутоватого вида, без пиджака, подпоясанный зеленым фартуком, с метелкой в руке.

— Чего тебе? — спросил он.

— Полковница прислала, — простодушно ответил Патмосов, — приказала спросить, ко-

гда приехать портрет писать?

— Сергей Матвеевич завтра быть обещался, — ответил слуга.

Патмосов не уходил. Он подмигнул слуге и сказал:

— А где тут у вас портерная[13], мил человек? Пивка бы парочку!

Лицо слуги тотчас изменилось.

— Подожди секунду, я надену спинжак и тебя проведу! Войди пока! — он впустил Патмосова в прихожую и бегом взлетел по лестнице во второй этаж. — Сичас! — крикнул он.

Патмосов огляделся.

Передняя представляла роскошную комнату, уставленную растениями и статуями. Взор Патмосова быстро скользил с предмета на предмет и вдруг приковался к длинной стойке для палок.

Патмосов стал перебирать трости.

Вдруг он нагнулся и быстро поднял лежавшую внизу палку. Она была выточена из американского дерева и оканчивалась топориком вершка[14] два шириною. Патмосов взял ее за середину и взмахнул ею. Лицо его осветилось торжеством.

— Вот и я, — сказал слуга, сойдя с лестницы, — любовался?

— Много палок, — ответил Патмосов, — а с этой хоть на медведя!

— Редко берет. Последний раз брал, вернулся, швырнул: «Тяжелая, — говорит, — убери!»

— Давно брал? — небрежно спросил Патмосов, идя к двери.

— Нет. С ей он к князю уехал, а позавчера привез. Приезжал.

— Часто бывает?

— Теперь нет. Вот завтра будет.

Он запер подъезд, положил ключ в карман и пошел с Патмосовым, добродушно болтая.

— Мне у его житье, как на квартире. Что барин! Ей-богу! Коли пришел кто — на чай тебе. Меньше полтины и не дают.

Они вошли в портерную, Патмосов спросил пива, и тот продолжал:

— Только комнаты убери, кисти вымой, и все! Кухарка готовит. Совсем барин! А жалованья — двадцать пять!

— Ваше здоровье, как вас звать?

— Василий Афанасьевич. А вас?

— Петр Демьяныч.

Они выпили.

— А давно вы у него на службе?

— Второй месяц. Раньше у него жил такой непутевый, пьяница: какие-то письма у него украл, ну, барин и выгнал!

Сердце Патмосова забилося.

— Письма? — повторил он.

— Мне Матрена сказывала. Барин, слышь, чуть не убил его. Потом выгнал.

Словно свет озарил Патмосова.

Допив пиво, он расплатился, крепко пожал руку Василию и сказал:

— Так передайте барину, чтобы подождал!

— Ладно. Приходи еще.

Патмосов проводил его до дверей подъезда, и они расстались.

* * *

Ястребов чувствовал раздражение на Патмосова...

— Опять не был, — сказал он Флегонтову, входя в камеру, — это черт знает что! Это недобросовестно! Что я без него буду делать, а?

В это время вошел сторож.

— Просит принять кухарка эта.

— Какая кухарка?

— Та, что у убитого служила.

— Зови, зови! — следователь оживился.

В камеру вошла Лукерья и с грохотом упала на колени.

— Виноваты мы, — тихо покаялась Лукерья, — ограбили покойника. Я и Прохор.

— Убил он? — спросил Ястребов.

— Что вы, прости Господи, — и Лукерья даже отодвинулась. — Ограбили его, точно...

Следователь разочарованно вздохнул.

— Как же, когда и что?

— Добро всякое, а денег тысячу.

— Когда же украли?

— Как барин на музыку пошел. Я — четырехста, а он — шестьсот взял. Вещи тоже взяли. Которые в щекатулке... внизу были. Заперли. Прохор и ушел.

— А где вещи?

— Его не знаю, а что у меня, так вот!

И Лукерья положила перед Ястребовым сверток.

Он развернул его и увидел пачку денег, два браслета, часы, цепочку, серьги и крупную

брошь.

— Губа не дура! — усмехнулся Ястребов, отодвигая вещи. — Ну, молодец, что покаялась! Грамотная?

— Грамотная! — уже бойко ответила Лукерья.

— Ну, вот — подпиши! — Ястребов взял от Флегонтова записанное показание, громко прочел его и положил перед Лукерьей. — Подпиши!

Она подписала.

— Ну, а теперь тебя арестовать надо!

Лукерья покорно кивнула головой. Ястребов написал приказ, и Лукерью увели.

* * *

Патмосов с утра стал готовиться к предстоящему свиданию.

Он наклеил себе бороду и на нос нацепил пенсне с темными стеклами.

После этого он надел форменные военные брюки, белый китель с полковничьими погонами, повесил шашку, взял общегвардейскую фуражку и с удовлетворением оглядел себя в зеркало.

Он еще раз оглядел все мелочи, взял три

письма Веры Андреевны, тщательно спрятали их и суеверно перекрестился.

На улице Патмосов взял извозчика и поехал на Тучкову набережную.

Василий тотчас отворил ему. Теперь он был одет в серый казакин со светлыми пуговицами.

— Барин дома? — спросил Патмосов.

— Дома-с! Пожалуйста! — и Василий указал ему на лестницу.

На площадке показался художник в серой блузе. Солнце освещало его львиную голову, он был красив, как Антиной[15].

Сердце Патмосова сжалось. Он предпочел бы видеть на его месте типичного злодея.

— Сюда! Сюда! — говорил звучным голосом Санин. — Ко мне, в мастерскую! С кем имею честь? Дурак-слуга сказал, что ко мне собиралась барыня.

Патмосов поднялся наверх и не решился пожать протянутую ему руку. Он взял в одну руку фуражку, а другой вынул носовой платок.

— Полковник Снегирев. Вчера правда моя жена к вам собиралась и денщика послала,

но жара, мигрень... знаете... И вот я вместо нее. А что до барыни, так, может, к вам еще кто собирался?

— Нет, нет, — поспешно ответил Санин, — избави Бог! Сюда!

Он отпахнул тяжелую портьеру, и они вошли в громадную мастерскую в два света, со стеклянной крышей.

Санин размашисто двинул мягкое кресло, поставил подле него курительный прибор и сказал:

— Садитесь, курите и говорите, чем могу служить, а я помалюю!

Он сел на табурет перед мольбертом и взял из вазы кисть.

Патмосов опустился в кресло и заговорил непринужденным тоном:

— У вас тут целый музей! Даже внизу: и зверинец, и коллекция палок. Прекрасные палки!

— Да, есть! — небрежно ответил Санин.

— Одна, которая с топором, — продолжал болтать Патмосов, в то же время следя за лицом Санина. — Недорогая, но незаменимая. Если ей стукнуть! Я знаю случай, когда одним

ударом такой палки разбили голову, как орех. Вам, вероятно, случается бродить по пустынным местам?

Патмосов увидел, как омрачилось лицо художника и как дрогнула кисть в его руке.

— Палка дрянь, — сказал он после минутного молчания, — я велел ее убрать, а этот дурак все ее ставит.

Патмосов взял из ящичка папироску с толстым, длинным мундштуком и спросил:

— Вы всегда курите эти папиросы?

— Всегда, — уже с некоторым раздражением ответил Санин, — а что?

Патмосов закурил и, стараясь казаться равнодушным, сказал:

— Приметные очень. Если бы вы совершили преступление, по одним этим папиросам вас могли бы найти и обличить!

Рука у Санина задрожала, и он быстро откинулся от мольберта.

— Я бы унес с собой свои папиросы, — сказал он с деланным смехом.

— А окурки? — тихо произнес Патмосов и замолчал.

Санин резко двинулся на табурете и, от-

вернув лицо, будто роясь в красках, сказал:

— Будьте добры объяснить мне цель вашего визита. Признаюсь, наш разговор начинает меня утомлять.

Патмосову стало жаль этого человека.

— Я хотел просить вас написать мне картину.

— Я картин не пишу, — глухо ответил Санин. — Я портретист.

— Здесь главным образом лица. Если позволите, я расскажу ее содержание.

Патмосов видел, как сбежала краска с лица Санина, и слышал его прерывистое дыхание.

— Расскажите, — глухо произнес он.

— О, в двух словах! — сказал Патмосов. — Ночь, дорожка вдоль оврага, на ней двое. Один — энергичный, сильный, молодой; другой — пожилых лет, дряхлый, с хитрым, развратным лицом. И этот сильный поражает его в голову палкой, на конце которой...

Санин вдруг вскочил, и лицо его исказилось бешенством.

— Ты не офицер, ты — агент! — закричал он и бросился на Патмосова.

Тот успел отскочить за кресло.

— Что же, вы хотите и меня убить? — сказал он спокойно.

Санин остановился, схватился за голову руками и со стоном повалился. Патмосов с глубоким состраданием смотрел на совсем недавно еще гордого и сильного человека, у которого теперь вздрагивали, как у ребенка, плечи.

— Арестуйте меня, — наконец глухо сказал Санин, — да! Я убил этого мерзавца, той палкой.

— Я не буду вас арестовывать, — ответил Патмосов, — поезжайте завтра в Царское, явитесь к следователю сами с повинной.

Санин поднял голову и с удивлением взглянул на Патмосова.

Тот угадал его мысль.

— Если бы вы убежали, я нашел бы вашу корреспондентку.

При этих словах Санин опять вскочил как бешеный.

— Откуда вам это известно?

— Из этих писем, — Патмосов показал три письма.

— Ее письма! Но я их все взял! — наивно воскликнул Санин.

— Не все! Дергачев был хитрее и три письма держал у себя в бумажнике.

— О, мерзавец! — проговорил Санин. — Он бы снова нас мучил!

Он помолчал, потом встал, прошел по мастерской, вернулся и сказал:

— Я вам все расскажу! Все! Судите!..

Патмосов молча кивнул.

Санин начал свой рассказ, сперва волнуясь, потом спокойнее, и его прекрасное лицо оживилось воспоминаниями любви.

* * *

— Это началось четыре года тому назад. Да! Четыре года будет семнадцатого августа. Ее муж заказал мне с нее портрет, и я к ним приезжал для сеансов. Ее муж носит старинную аристократическую фамилию, богат несметно, красив, несмотря на свои шестьдесят четыре года, и благороден на редкость. Ей всего двадцать шесть лет, и он ее мужем является только номинально. Она — дочь его боевого товарища, осталась сиротою, и он не придумал лучшей формы опеки, как женить-

ся на ней, и относится к ней как отец. Буквально. Она платит ему привязанностью и ухаживанием. И вдруг — я на дороге! Я со своей любовью!.. Да, так началась наша любовь.

Санин закурил папиросу, бросил ее, взял новую и заговорил снова:

— Должно было случиться то, что случилось. Она забеременела. Да! Это было наше счастье и наш ужас. Счастье — увенчать любовь свою живым плодом, ужас — открыться. Не для меня! Я всегда молил ее об этом, но для нее. Она была убеждена, что ее муж не перенесет этого открытия. Приводил ее в ужас и скандал, который мог разразиться в обществе. Она — женщина своего круга, своих понятий. Я понимал ее и разделял ее страхи. И тут нам выпала вдруг удача. Генерал уехал в Англию, оттуда в Америку на семь месяцев. Он звал с собою жену, но она уклонилась и назначила ему свидание в Париже... Это было удачей. Она уединилась и родила прекрасного мальчугана.

Лицо Санина озарилось широкой, светлой улыбкой.

— И началось наше новое счастье. Счастье

отца и матери. Я его поместил в надежные руки, а потом решил, едва отнимут его от кормилицы[16], перевезти к себе. И все пошло прахом!

Он тяжело перевел дух и продолжал:

— Это случилось совсем недавно. Всего с месяц. Она приехала ко мне в безумном ужасе и показала письмо от какого-то негодяя. Негодяй писал, что знает про ее связь, знает, что у нее есть ребенок и где он и что он все это огласит, если она не заплатит ему пять тысяч рублей. За эту сумму он продавал ее письма. Письма ко мне! Я бросился в спальню, где в ящике стола держал ее письма. Их не было! Да, только тогда я понял, как надо беречь тайны. Надо сжигать все! Записку, ленточку, всякий знак. Надо держать себя с любовницей, как с зачумленной. А я, болван, берег ее каждое письмо как святыню!

Он ударил себя по лбу и сжал кулаки.

— Очевидно, их украл мой слуга. И едва уехала Вера, как я набросился на слугу. Я его встряхивал, как мешок, швырял, как кошку, я готов был пытаться его огнем и железом. Он ревел, ползал на коленях и во всем сознался. Че-

рез других слуг-негодяев он узнал, что один мерзавец платит хорошие деньги за господские письма. Мой каналья был не дурак. Несомненно, он знал нашу тайну и отправился к этому Дергачеву. Да! И продал меня за триста рублей.

Он помолчал, потом продолжал:

— Слугу я выгнал, а сам поехал к Дергачеву в Павловск и вызвал его на вокзал. Там я объяснился с ним. Я предложил ему две тысячи.

Он вскочил, сел, снова вскочил, и лицо его теперь горело злобою.

— Тут и начались пытки! Он торговался и после каждого свиданья слал ей письма с угрозами, а она ехала ко мне и писала ко мне умоляющие письма. Это был месяц сплошных мук. Я все же выторговал тысячу. Он согласился отдать мне письма за четыре тысячи.

Санин горько усмехнулся.

— Значит, за тысячу он припрятал три письма! Ловко! Да? — и он продолжал: — Двадцать шестого числа я собрал всякими способами три тысячи рублей и известил его, что двадцать седьмого куплю свои письма. Я бегал, искал, но нашел еще только сто рублей. И

я поехал.

Патмосов кивнул.

— Мы условились встретиться в десять часов вечера. Я ждал его, он не шел. Одно это ожидание уже обозлило. Наконец он пришел...

Санин перевел дух.

— И тут началось! Я сказал, что остальные четыреста я отдам ему завтра. Он ответил, как хам: «Тогда и письма» — и хотел уйти. Я удержал его и стал упрашивать. Мы начали спорить. Он дразнил меня: то вынимал пакет из кармана пальто, то прятал его назад. И ничего бы не было, — сказал Санин, — если бы не пустяк.

Он тяжело перевел дух.

— Я взял его за пальто, за борт, а он вдруг заорал: «Вы хотите убить меня!» — и толкнул. Во мне словно пружина лопнула. Все завертелось, закружилось, и, когда я очнулся, он лежал на земле. Я нагнулся. Кровь! Тогда я понял, что сделал. По моей палке текла кровь. Ко мне вдруг вернулось спокойствие. Я нагнулся к нему и выдернул у него из кармана пакет. Потом отошел, старательно вытер и

вычистил палку и пошел на музыку. Повидал двух-трех человек и пешком вернулся в Царское, где живу у своего приятеля. Вот! — окончил он. — На другое утро я послал ей письма.

Он замолчал и опустил в кресло, закури-
вая пятнадцатую по счету папиросу.

* * *

Патмосов первый прервал молчание.

— Вы должны теперь открыться следователю, — сказал он, — сейчас у него трое в подозрении, и из них двое совсем невинны.

— Но как? Я тогда должен рассказать все? Открыть ее имя! Я не могу! — воскликнул Саннин.

— Слушайте. Я помогу вам. Идите к следователю, расскажите ему факт убийства, а причину придумайте, какую хотите. Он любил женщин, был развратник.

— А эти письма? — сказал Саннин. — По которым вы додумались?

Патмосов вынул их из кармана и решительно протянул Санину.

— Возьмите их и уничтожьте!

Саннин жадно схватил их и воскликнул:

— О, теперь я спокоен! Берите меня!

— Нет-нет, вы сами!

— Согласен.

Патмосов сказал адрес и поднялся с кресла. Волнение душило его. Спокойствие Санина было трогательнее его недавнего отчаяния.

— Я иду! Вам надо подготовиться.

— Я теперь Голиаф! — засмеялся Санин. — В одиннадцать у него в камере!

Патмосов выбежал из мастерской.

Он вернулся домой и тотчас позвал к себе хозяйку, продиктовал ей друг за другом два любовных письма и записку с назначением свидания, подписав их все буквою «В».

— Все!

Молодая женщина встала.

— А теперь вы эти записки покажете мужу, — смеясь, сказала она.

— Да, да! Вы рискуете, — в тон ей ответил Патмосов и потом серьезно сказал: — Вы спасаете честь женщины, как люди понимают ее, и спокойствие семьи.

* * *

На другой день Патмосов ехал в Царское Село к Ястребову, который успел послать ему четыре телеграммы.

— Что же вы, дорогой мой, так запропали? Я истомился, ожидая вас.

— Занят был, все этим же делом, — ответил Патмосов и, вынув из бумажника три письма, положил их на стол. — Вот письма, которые я брал. Они ни к чему.

— Я же говорил, — сказал Ястребов, — у него любовниц тысяча! Уберите, Севастьян Лукич.

Он кинул письмоводителю письма и снова спросил Патмосова:

— Ну, что же вы сделали за это время?

— Нашел убийцу, — ответил с улыбкой Патмосов.

Ястребов даже привскочил, и глаза его за- сверкали.

— Я говорил! Ну, рассказывайте, какие улики? Который из трех?

— Четвертый, — ответил Патмосов.

Ястребов упал в кресло и захлопал глазами.

— Вы шутите?

— Нет, серьезно! Где же он?

— Он... — Патмосов поглядел на часы, на них было без двух минут одиннадцать. — Он

сейчас будет здесь, у вас.

— Господина следователя можно видеть? — раздался звучный голос.

— Пожалуйста! — крикнул Патмосов, вставая.

— Пришел, — сказал он тихо Ястребову. Тот поднялся с кресла.

— Вот и я! — и на пороге камеры показалась мощная фигура Санина.

Патмосов горячо пожал ему руку и поспешил выйти.

* * *

Слух о том, что Санин, этот милейший человек, даровитый художник, оказался убийцей, произвел в Петербурге сенсацию. Зал суда был битком набит дамами высшего света.

Санин держал себя на суде с благородною простотою. Он объяснил, как убил Дергачева, и рассказал о мотивах этого убийства. Дело вышло из-за женщины, которую называть Санин не хотел. Присяжные признали его виновным в убийстве в запальчивости и заслуживающим снисхождения. Суд приговорил его к четырем годам каторжных работ.

Лукерья и Резцов судились за кражу и бы-

ли осуждены: она — на два месяца, а он, как рецидивист, на поселение.

Трехин получил наследство и закутил так, что через месяц очутился в больнице.

Марья Васильевна стала выезжать и в скором времени обзавелась новым покровителем.

Что касается молодого Савельева, то пережитые им позор и страх совершенно образумили его. Он разорвал свои прежние знакомства, поступил к отцу на фабрику, где принялся основательно изучать дело.

Векселя исчезли, и надо предполагать, что они вместе с письмами попали к Вере Андреевне и сгорели в камине.

Остается сказать про Веру Андреевну.

Через два года после осуждения Санина она овдовела и со своим сыном Сережей поехала в Сибирь — к тому, кто так дорого заплатил за ее спокойствие. Когда Санин отбыл срок каторги, они поженились и поселились в Иркутске, где Санин опять стал зарабатывать сумасшедшие деньги.

1909 г.

Пропавший артельщик

Когда Патмосов вышел проводить своего помощника-любителя Пафнутьева в переднюю, тот уже надел пальто, пожал руку хозяину и двинулся к дверям.

Патмосов задержал его:

— Подожди минутку. Мне несут телеграмму!

Удивленный Пафнутьев остановился, горничная поспешила открыть дверь, и на пороге действительно показался телеграфный рассыльный.

— Патмосову!

— Давай сюда, — сказал Патмосов, черкнул карандашом на расписке свое имя, дал рассыльному монету и двинулся к кабинету, говоря Пафнутьеву:

— Войди на минуту! Ничего, что в пальто. Ну, куда зовут?

С этими словами он включил электричество, подошел к столику и развернул телеграмму.

— «Нужны немедленно. Дело, Нежин. Богучаров», — прочел он и засмеялся. — Ну вот,

ты тосковал без дела.

— При чем же тут я? — уныло заметил Пафнутьев.

— Непременно и ты! — воскликнул Патмосов. — Ты мой ученик, без тебя нет «школы». Ха-ха! — он развеселился. — Ну, начнем с газеты. Смотри поезда.

Он заглянул Пафнутьеву через плечо и сразу нашел справку.

— Отлично! Я еду в четыре курьерским. А ты — с вечерним. Снимешь в гостинице, там одна, дешевый номер и жди меня. Понял? Ну, иди!

Пафнутьев просиял от удовольствия и горячо пожал руку Патмосову.

В дверях он приостановился.

— Скажите, Алексей Романович, как вы узнали, что несут телеграмму?

Патмосов засмеялся.

— Эх, простота! Я живу на самом верху. Если кто идет сюда, значит, ко мне. Раз. Теперь одиннадцать часов. В гости ко мне мало кто ходит, и час для гостя поздний. Если по экстренному делу, то человек бежал бы, а этот шел типичной поступью рассыльного. Почта-

льону — поздно; посылному тоже. Значит...

— Телеграмма! — окончил Пафнутьев.

— Ну, вот! Подумаешь, так и хитрости никакой нет. Ну, иди!

* * *

Было девять часов прекрасного летнего вечера, когда Патмосов приехал в Нежин. Оставив свой чемодан на вокзале у сторожа, он спросил дорогу в контору постройки и пошел пешком. Контора помещалась на лучшей улице города и занимала дом, нанятый у местного богатого помещика.

Миновав красивый решетчатый деревянный забор с крепкими воротами, Патмосов вошел в открытую калитку и очутился на широком дворе. Справа стояла сторожка и, видимо, баня; слева — конюшня и два сарая, а прямо перед воротами красовался прочный дом в два этажа, с резным крыльцом.

Патмосов поднялся по широкой лестнице на крыльцо и остановился у запертой двери, на которой была прибита жестяная дощечка с надписью: «Контора».

На его звонок дверь распахнулась, и молодой, рослый парень, заслонив дверь, спросил:

— Вам кого?

Патмосов сказал.

— Кто там, Василий? — послышался оклик, и на пороге освещенной комнаты показался среднего роста, крепкий мужчина в чесучовой[17] паре.

Он приблизился и тотчас радостно воскликнул, протягивая обе руки:

— Вы, Алексей Романович! Вот, спасибо! Я, признаться, вас раньше, чем завтра, не ждал. Василий, устрой самовар, ужин, вино подай; да живей!

Богучаров взял под руку Патмосова, провел его через небольшую, темную комнату, потом через просторную канцелярию и ввел его в свой кабинет.

У широкого окна стоял письменный стол, рядом — этажерка, по одной стене — чертежный стол, по другой — широкий оттоман и комод. На столе ярко горела лампа и лежали листы исписанной бумаги.

— Это мой кабинет и спальня, — пояснил Богучаров, — а здесь столовая и тоже спальня! — он провел Патмосова в смежную, освещенную висячей лампой комнату, где стояли

буфет, обеденный стол, стулья и такой же, как в кабинете, оттоман.

— Вы здесь и расположитесь, — сказал он Патмосову, — а теперь садитесь. Сейчас за едой и поговорим.

Тем временем Василий, осторожно ступая, входил в выходил, приготавливая стол для ужина.

— Мой Личарда[18], — сказал шутливо Богучаров Патмосову, указывая на Василия, — смышлен, каналья, мастер на все руки и мне предан без лести.

* * *

Патмосов с аппетитом поужинал.

Василий разлил чай. Богучаров подвинул ром и коньяк, предложил сигару и сказал:

— Ну-с, а теперь о деле!

Патмосов покосился на Василия, который расстилал теперь постели, но Богучаров тотчас же успокоил его:

— В моем рассказе секретов нет, а и будь они — Василий свой человек.

Патмосов кивнул.

— Вот какое у нас дело, — сказал Богучаров и начал свой рассказ: — Надо вам объяснить,

что мы от Московско-Курско-Воронежской железной дороги проводим ветки Коноп-Пироговка, Рыльск-Суджа, Круты-Чернигов и Круты-Пирятин. Я заведую всеми работами, и здесь у меня помещается центральная контора. Тут у нас и касса, а в кассе нестрогаемый сундук, но в нем я обычно не держу больших денег. Тысячи две-три. Все же расчеты с подрядчиками я произвожу чеками на киевское отделение коммерческого банка и, когда нам бывают нужны большие деньги, беру оттуда же.

Патмосов кивнул. Богучаров отхлебнул из стакана и продолжал:

— Такие случаи бывают два раза каждый месяц. Первого и пятнадцатого — расчет с рабочими. Берем тысяч до тридцати. И двадцатого — расчет со служащими, тысяч двадцать. В этих случаях едет наш артельщик в Киев, берет из банка деньги и привозит сюда, в сундук, и лежат они у нас не дольше, как двенадцать-четырнадцать часов. До Киева сто шестьдесят верст. Утром он уедет, а в девять или одиннадцать часов уже назад.

Патмосов допил чай. Василий неслышно

взял у него стакан и налил свежего чаю, после чего почтительно отошел в сторону.

— Можешь идти теперь, Василий, — сказал Богучаров; он встал, проводил Василия и, вернувшись, продолжал: — 25-го мая я, видите ли, в Москву уехал и вернуться мог не раньше, как числа 5-го, 6-го. Ну, а 1-го расчет, да еще надо было одному человеку здесь двенадцать тысяч отдать. Я, уезжая, и выписал чеки — на двенадцать и на двадцать тысяч. Всего на тридцать две. И уехал. Приезжаю домой сюда, и что же? Оказывается, артельщик уехал, деньги получил, в Нежин вернулся и пропал. Пропал — как иголка в стогу сена!

Патмосов с тем же невозмутимым видом курил сигару и медленно прихлебывал чай.

— Понятно, следствие, — уже волнуясь, продолжал Богучаров. — Узнал, что он деньги взял, в город приехал, но в контору не заходил и домой не вернулся. Следователь расспросил всех и решил, что артельщик скрылся с деньгами, напечатал публикации и успокоился.

Богучаров взволнованно перевел дух.

— А я уверен, что здесь преступление, что

он убит! — заключил он. — Вот вас и выпи-
сал. Помогите!

Он замолчал. Патмосов опустил голову и сосредоточенно вылавливал из чая косточку от лимона. Выловив ее и бросив в блюдо, он спросил:

— У вас есть подозрения?

Богучаров смутился.

— Видите ли, — ответил он, — я не решил-
ся бы сказать этого никому другому. Дело вот
в чем. Матвеев, артельщик этот, лет пятидеся-
ти, рябой, некрасивый и, кажется, довольно
грубый, а жене его сейчас двадцать шесть
лет. Бабенка вертлявая, смазливая. Детей у
них нет, и про нее всякая сплетня ходит. Чер-
тежник у меня тут был, разбитной такой ма-
лый и красивый. Лентяй и кутнуть любит. Я
рассчитал его. Так она, говорят, с ним пута-
лась.

— А артельщик ваш всегда деньги в сундук
прятал, когда привозил?

— Всегда! Кажется, раз только с собой до-
мой унес.

Патмосов кивнул.

— А кто у вас контору стережет?

— У ворот дворник. Внизу два сторожа: один Василий, вы его видели, а другой — Михай. Здоровенный мужик. При лошадях кучер, а здесь — я!

— А этого чертежника вы давно разочли?

— В середине мая, перед отъездом.

— Так что он мог знать про деньги?

— Вполне! — Богучаров махнул рукой. — Да разве здесь утаишь что-нибудь! Чеки проводятся по книгам, пишутся открыто, иногда весь день на столе лежат. По семейному. Я думаю, все знают, когда Матвееву ехать и сколько он привезет...

— Занятия у вас с какого часа?

— С десяти.

— Ну, значит, я успею осмотреться, — сказал Патмосов.

— Я к вам Василия приставлю.

— Пожалуйста. А теперь уже простите. В сон клонит.

Богучаров засмеялся.

— И я хорош! Уже два часа! Уморил вас. Сам-то я выспался.

Он пожал руку Патмосову и вышел в соседнюю комнату, притворив дверь.

Чуть только рассвело, Патмосов встал и полуодетый осторожно вышел из комнаты. Богучаров спал, обняв обеими руками подушку и оглашая комнату храпом. Патмосов тихо прошел мимо него и вошел в большую комнату с двумя высокими конторками, четырьмя письменными столами и шкафами вдоль стен. Это, несомненно, была комната счетоводов. Тяжелые, огромные бухгалтерские книги, на каждом столе счеты, на высоких иглах наткнутые квитанции. Следующая комната по фасаду, размером с кабинет Богучарова, была, несомненно, чертежная. Из средней бухгалтерской комнаты через маленький коридор можно было пройти в небольшую комнату, надвое перегороденную проволочной решеткой, с дверью и оконцем, как обыкновенно в кассах.

Патмосов задержался здесь и стал внимательно оглядывать каждый уголок комнаты. Дверь перегородки оказалась запертой, но сама перегородка не доходила до потолка. За проволочной решеткой стояли: небольшой стол со счетами, стул и массивный железный

сундук. Патмосов с легкостью акробата перелез через перегородку и остановился подле сундука. Постороннему наблюдателю показалось бы, что Патмосов читает какие-то микроскопические надписи, с такой внимательностью он осмотрел весь сундук и его замок.

Потом он присел на корточки и вдруг тихо свистнул. Глаза его впились в одну точку. Он нагнулся, словно нюхая пол. Не отрывая глаз от пола, он прополз на карачках до перегородки, перелез обратно, и опять пополз, то совсем пригибаясь к полу, то проводя по нему пальцами.

Из маленькой комнаты дверь вела в просторную переднюю. Все так же по полу на коленях Патмосов дополз до выходных дверей и здесь встал на ноги, после чего из передней через боковую дверь оказался в столовой, разделся, лег и почти тотчас заснул.

* * *

— Заспались с дороги! — услышал Патмосов голос Богучарова, раскрыл глаза и увидел инженера с полотенцем в руках.

На столе шипел кипящий самовар, и Василий только что внес вычищенные одежду и

сапоги Патмосова.

— Я в минуту! — сказал Патмосов, быстро вставая.

Богучаров прошел к себе.

— Умываться сюда пожалуйста! — пригласил Василий.

Патмосов прошел за ним в переднюю, где на табуретке стоял таз. Василий взял кувшин с водою и помог умыться.

— Ты мне дом-то покажешь? — спросил Патмосов, утираясь полотенцем.

— Сделайте одолжение! — ответил Василий и прибавил: — Дом-то не велик. Обошли раз, и все!

— Что, Матвеева любили у вас?

Василий переступил на другую ногу.

— Ничего, все ладили.

— Жена ходила сюда?

Василий усмехнулся.

— Она бы ходила, да он не пускал. Ревновал очень. Тут чертежники, конторщики. Народ молодой.

— Убивается?

Василий опять усмехнулся.

— Не похоже. Да он, может, и убежал с

деньгами-то! Следовательно говорит: не иначе.

Патмосов вернулся в столовую и быстро оделся. Вошел Богучаров.

— Ну, с добрым утром! Чай пить будем?

Они сели за стол. Богучаров сказал:

— В вашем распоряжении это помещение и мой Василий, а я сегодня, раз вы уже здесь, на линию проеду. Будьте как дома. Если вам спросить надо насчет дела, то, пожалуйста, вот у него и еще у бухгалтера, а тот уже вам всякого предоставит.

Он допил чай и поднялся.

— Ну, я еду! Василий, вели подавать! — он взял фуражку и вышел.

Патмосов допил чай, взял палку и надел шляпу. В ту же минуту вернулся Василий.

— Ну, веди меня! — сказал ему Патмосов.

— Здесь вот и все! — указал Василий. — Сергея Петровича помещение и контора. Это — касса. Теперь новый артельщик, — он, не останавливаясь, провел Патмосова через комнату, — здесь передняя. Народ толчется, а это — выход. Одни двери!

Он вывел Патмосова на площадку лестницы.

Патмосов спустился, сосчитав четырнадцать ступеней, и остановился на нижней площадке, на которой были две двери направо и налево, кроме выхода на двор.

— А это куда?

— Здесь кухня, — сказал Василий, — только ее мы занимаем. Я и Михей, сторожа.

Он отворил дверь. Открылась огромная комната с плитой и русской печкой. По стенам стояли две кровати, подле кроватей — сундуки; у окна — большой сосновый стол и табуретки.

При входе Патмосова с табуретки встал и вынул изо рта трубку высокий, плечистый и бородатый мужчина с угрюмым лицом. Он нехотя поклонился Патмосову.

— Другой сторож, Михей! — пояснил Василий и сказал ему: — Иди наверх! Сейчас собираться станут, а я при них!

— Ладно, — лениво отозвался Михей.

— Вот и все. А на той стороне, — сказал Василий, — такая же огромная комната. Была людская, а мы ее кладовой сделали.

Василий перешел на площадку лестницы и показал другую комнату. Она была действи-

тельно завалена всяким добром.

— Вот и весь дом! — заключил Василий.

— Отлично! — отозвался Патмосов, выходя на двор.

— С этой стороны двор, — показал Василий, — а с боков и сзади сад. Прекрасный сад! Пожалуйте!

Патмосов пошел за Василием.

Сад был действительно прекрасен. Густой, тенистый, он охватывал дом с трех сторон. В глубине сада стояла закрытая беседка.

— Хороший сад, — сказал Патмосов, возвращаясь назад и зорко осматривая дом.

— Лучший, можно сказать, в городе, — похвалился Василий.

— А это что? — вдруг спросил Патмосов, указывая палкой на маленькие окна в доме на уровне с землею. С переднего фасада таких не было.

Василий небрежно махнул рукою.

— Это? А это сухие погреба.

— Какие? — спросил Патмосов.

— Сухие! Это такие, что в них лед не кладут, а так, что в легком холоде держать надо. Варенья там, вино и прочая...

— Что ж ты мне их не показал?

— А чего в них? — ответил, пожимая плечами, Василий. — Они у нас пустые.

— Любопытно поглядеть. Сухой погреб.

— Что же, пожалуйста!

Василий ввел его опять в дом, прошел за лестницу и подвел к маленькой двери, запертой на висячий замок. Вынув из кармана ключ, он отпер замок и открыл дверь. На них пахнуло холодным воздухом.

Они спустились на шесть ступеней и очутились в полутемном узеньком коридоре с земляным полом. Василий открыл дверь направо.

Патмосов увидел низкое, просторное помещение с глиняным полом, освещенное двумя окнами.

Пол погреба был слегка взрыт.

— А это почему?

— Глину берем отсюда, когда надо, — ответил Василий, — печку поправить или что...

— Так! — Патмосов вышел и толкнул другую дверь налево.

— То же самое! — сказал Василий.

Патмосов окинул быстрым взглядом дру-

гой погреб и тотчас вышел.

— Я потому не показал, что пустое, — говорил Василий, ведя Патмосова назад. — А на дворе служба! — он запер дверцу в погреба и снова вывел Патмосова на двор.

Патмосов остановился.

— Ну, службы я и сам осмотрю, — сказал он, — а ты вот что сделай. Сходи на вокзал; там я у сторожа свой чемодан оставил. Принеси его!

Он дал Василию пятьдесят копеек.

— С полным удовольствием! — услужливо ответил Василий, бросаясь за шапкой в свое помещение.

* * *

На Лицейской улице, в маленьком домике, окруженном садиком, жила молодая жена пропавшего артельщика.

Она разговаривала на кухне со своей прислугой, девчонкой Гапкой, когда у раскрытого окна показалась голова Патмосова и он, приподняв шляпу, спросил:

— Могу я видеть госпожу Матвееву?

Она вздрогнула и покраснела.

— Да, это я! — ответила она и тотчас засме-

ялась. — Вот дура-то! Пожалуйте в комнаты, через крылечко. Я сейчас! — она пошла из кухни и открыла дверь.

Он вошел в чисто убранную комнату, служившую, видимо, и гостиной и столовой, и сразу приступил к делу.

— Я, сударыня, — сказал он, — сюда от артели прислан. Узнать все о пропавшем вашем муже.

Она сразу побледнела и испуганно взглянула на Патмосова.

— Что же вам надо?

— Все узнать, и, если вы что сказать можете, скажите!

Она опустилась против Патмосова на плетеный стул и сказала:

— Одно я знаю, что его убили! Да!

— Почему вы так думаете?

— Он очень честен был, чтобы сбежать с деньгами. И бежал бы тогда из Киева. Зачем ему сюда ехать? А потом, он и сам опасался.

Патмосов насторожился.

— Говорил что-нибудь?

— Да! Перед этим вдруг у кассового сундука замок испортился. Он тогда тоже деньги

привозил. И разве это можно, — с волнением сказала она, — чтобы все знали, когда он за деньгами едет!

— Обычно он когда возвращался, если с деньгами?

— К девяти часам, а то и к одиннадцати. Зайдет в контору, деньги запрет и домой.

— А с собой уносил?

— Нет. Он очень боялся. Еще убьют, говорил.

— Я к вам до отъезда еще зайду! — сказал Патмосов, вставая.

Матвеева сразу повеселела и быстро встала.

— Пожалуйста! — ответила она. — Я всегда дома, — и потом добавила: — Мне очень важно, чтобы доказали, что его убили. Тогда артель мне залог вернет.

Патмосов вышел и направился назад к конторе.

Работа была в полном разгаре. Костяшки счетов щелкали с непрерывным, сухим треском. Люди входили и выходили. За столами и конторками сидели служащие, уткнувшись в огромные книги, перебирая разноцветные

бланки, считая, выписывая.

За высокой конторкой сидел бухгалтер. Эта был очень симпатичного вида, с открытым, радушным лицом господин.

Увидев Патмосова, он соскочил с высокого табурета.

— Бухгалтер, Антон Егорович Тугаев, — отрекомендовался он. — Сергей Петрович уже про все говорил.

Патмосов почувствовал крепкое дружеское рукопожатие.

В конторе на минуту водворилась тишина, и все присутствующие уставились на Патмосова.

— Я хотел поговорить с вами, — начал он.

— Очень рад буду, — быстро сказал бухгалтер, — мы в три часа окончим занятия; теперь половина второго. Пожалуйста ко мне обедать, и поговорим.

— Отлично! — согласился Патмосов.

* * *

Тугаев, идя с Патмосовым к себе домой, говорил без умолку, забавно жестикулируя и предупреждая в стремительной речи все вопросы Патмосова.

Он охарактеризовал всех служащих, пропавшего артельщика и его жену, прогнанного чертежника и самого Богучарова. Было интересно и забавно его слушать.

— А что вы думаете об этом случае? — осторожно спросил его Патмосов.

— Удрал с деньгами! — решительно сказал Тугаев. — Убить его никто не мог. Он был себе на уме. А следовательно у нас гениальная личность. Лекок[19]! Вот и моя обитель. Милости просим! Катя, к нам гость; подавай обедать! — закричал он.

Патмосов следом за ним прошел через прекрасный сад и вошел в хорошенький домик.

Навстречу им вышла жена Тугаева, молодая, красивая женщина.

Тугаев снимал небольшую помещичью усадьбу. Они прошли на веранду.

— Совсем особняк, — сказал Тугаев, — кухня через двор, и в нее звонок. Великолепно!

Они сели обедать.

За столом им прислуживала хорошенькая девушка с невинным детским лицом и большими карими глазами.

— Невеста нашего Василия, — тихо сказал

Тугаев. — Необыкновенная чистота! Прямо
хоть икону пиши!

Уходя от Тугаева, Патмосов сказал:

— У меня к вам просьба.

— Пожалуйста!

— Я пришлю к вам человека. Так вы его на
несколько дней пристройте в кухне. Только
от себя. Понимаете?

Тугаев усиленно закивал.

— Понял, понял! А перегородка сегодня не
заперта!

— Благодарю вас!

Патмосов ушел.

Богучаров вернулся, когда Василий, уже
приготовив постели для отдыха, подавал Пат-
мосову самовар. Они напились чаю. Василий
ушел. Богучаров поднялся.

— Ну, я спать. Заморился!

— Я попросил бы вас, Сергей Петрович, на-
завтра с раннего утра услать куда-нибудь Ва-
силия, — сказал ему Патмосов.

— Будет, — ответил Богучаров, — а что?

— Да хотел бы основательнее все пере-
смотреть в доме, и чтобы никто не знал. Ми-
хей будет у вас наверху занят, а я и похожу по

дому.

— Великолепно. Ничего нет проще! А у вас что-то есть! — сказал он, стукнув себя по лбу. — Ну, спокойной ночи!

* * *

Патмосов опять поднялся с постели чуть рассвело, и опять прошел в кассу, где стоял сундук. На этот раз он внимательно осмотрел дверь перегородки, после чего вернулся и заснул снова.

Богучаров разбудил его, и Патмосов у стола увидал неповоротливого Михея вместо Василия.

— Исполнено, — сказал, смеясь, Богучаров, — до вечера не будет!

— Отлично! — отозвался Патмосов и пошел умываться.

Михей подавал воду.

— А где ты был в тот вечер, когда артельщик за деньгами уехал? — спросил его Патмосов.

— Я-то? — лениво ответил Михей. — На именинах был, у кума. Еремеем звать. Пошли с кучером вместе в семь часов, а вернулись к утру.

— Кто же в конторе оставался?

— А Василий.

— И дворник?

— Кирилл о ту пору у барина Тугаева находился. Дворник у них запил, а барыня боялась. Он и пошел.

— Значит, Василий один был?

— Один. Да у нас тихо. Стеречь нечего. Для формы только.

Патмосов отдал ему полотенце и вернулся в столовую. Богучаров уже пил чай.

— Сегодня я весь день дома. Обедать в три часа будем, — сказал Богучаров, — а до той поры оба займемся.

Тотчас после чая Патмосов начал свои розыски. Он вынул из чемодана клещи и отвертку, опустил их в карман и, взяв шляпу с палкой и портфель, вышел из конторы, но, спустившись с лестницы, он пошел не к двери, а за лестницу, к маленькой дверке, ведущей в сухие погреба. С помощью клещей он выдернул один из пробоев и спустился по лесенке; потом открыл дверь налево и вошел в погреб. В погребе он провел с полчаса, после чего вышел, закрыл дверь, тщательно прила-

дил пробой на прежнее место и осторожно пробрался в кухню.

Здесь он достал сапоги Михея и Василия и подошел к столу. В портфеле у него оказалось два восковых снимка со следов.

Он аккуратно примерил к ним сапоги. Лицо его выразило удовольствие.

Он поставил сапоги на место и затем с ловкостью заправского вора отвинтил петли у сундуков Михея и Василия, а затем без труда поднял крышки и стал шарить в сундуках.

После чего он привел сундуки в прежний вид, задвинул их на прежние места и вышел на лестницу.

Тихо насвистывая, что у него всегда служило признаком хорошего настроения, он вернулся в контору и обратился к Богучарову:

— Не можете ли вы мне устроить железный щуп. Знаете, палку, на конце острую, аршина[20] в полтора.

— Скоро?

— Хоть сейчас, — ответил Патмосов.

— Ну, сейчас не успею, а к обеду!

— Отлично! А теперь я выйду.

— В три часа обед!

— Не опоздаю!

Патмосов направился к жене Матвеева.

Она сидела на ступеньке крыльца и, смеясь, весело говорила с чертежником.

Увидя сыщика, она страшно сконфузилась не то за свой смех, не то за собеседника и, торопливо поднявшись, спросила:

— По делу, верно?

— На одну минуту, — предупредил Патмосов и, вынув из кармана крошечный сверток, подал его Матвеевой.

— Не узнаете ли?

Она с недоумением развернула бумажку и тотчас вскрикнула:

— Запонка Корнила Матвеича!

— Вы уверены?

— Как же! У него эта зацепка ослабла, и она раз выпала из рукава.

Патмосов взял от нее запонку и спрятал ее в жилетный карман.

— Благодарю вас. Больше ничего, — сказал он.

— Вы бы хоть чаю откушали...

— Некогда мне. Всего хорошего!

Патмосов вышел, и лицо его светилось

торжеством победы.

Он опять вернулся в контору.

— Ну, вот вам и шест! — сказал Богучаров, указывая на угол.

Патмосов радостно ухватился за него, торопливо вышел и снова спустился в погреб.

К трем часам он вернулся с довольным лицом.

— Узнали что-то?

— Все, — ответил, смеясь, Патмосов и прибавил: — Кроме главного! Да, еще просьба: не можете ли вы весь завтрашний день никого не отпускать из конторы: ни Михея, ни Василия, ни дворника, ни кучера?

Богучаров кивнул.

— И еще! Скажите, пожалуйста, Василию и всем, что вы хотите его перевести.

— То есть как?

— Ну, на хорошее место в Петербург, Москву, в Сибирь, что ли! Только совсем отсюда — и подальше.

— С Машей? — засмеялся Богучаров.

— Можете и с нею. Вообще переводите в награду.

— Хорошо. Только что это вы задумали? Не

Василий же?...

— Он, видите ли, необходим мне, — сказал Патмосов, — а слух этот, чтобы других успокоить! — и он тихо засмеялся.

* * *

Уже смеркалось, когда Патмосов подошел к подъезду единственной в городе гостиницы и спросил Пафнутьева.

— Номер 14, второй этаж направо, — ответил швейцар.

Патмосов поднялся и постучал в дверь. Пафнутьев сам раскрыл дверь и воскликнул:

— Наконец-то!

Они поцеловались.

Коридорный[21] подал самовар и посуду. Пафнутьев заварил чай и достал ром.

— Ну, теперь слушай! — сказал Патмосов и, прихлебывая чай, рассказал ему все про исчезновение артельщика.

— А вы как решили, — спросил Пафнутьев, — убили его?

— Убили! — ответил Патмосов.

— И вы уже нашли? — с обидой спросил Пафнутьев.

— Нашел, все нашел, — ответил Патмо-

сов, — кроме главного сообщника.

Пафнугъев заметно оживился.

— Надо найти еще одного. Их, видишь ли, двое было. И потом — деньги. Деньги главное! Вот тебе и работа. Слушай-ка! — и Патмосов по порядку рассказал про свои розыски, открытия, находки и догадки.

— Ну, а теперь тебя на сцену! — добавил он. — Слушай внимательно. Оденься проще и завтра днем иди в контору вот с этим письмом, — он положил на стол письмо, — придешь, спросишь Тугаева и дашь ему письмо. Видишь ли, ты будто просишь место. Лакеем раньше у господ служил. Он тебя у себя на кухне пристроит. Понял? Ты там сойдись со всеми. Кажется, там кучер, дворник, повар и девушка Маша. И за этой Машей следи. Куда она, кто к ней. Если что узнаешь, то сообщи Тугаеву.

* * *

Патмосов сидел в столовой и потирал руки от удовольствия.

Василий накрывал стол к обеду, и его лицо, вопреки обыкновению, было угрюмо. Михай сказал, что будто Богучаров отправляет

его куда-то.

— Что это ты, словно с похорон? — шутили во спросил его Богучаров.

— Я... ничего!

— Хмурый! Или с Машей поссорился? Я тебе дело хорошее устроил, — не умолкал Богучаров.

Патмосов молча ел, исподлобья следя за ними.

— В Москву, в главную контору, верный человек нужен. Так вот я о тебе и подумал. На три года, по шестьдесят рублей. Можешь и Машу взять. А?

Василий сделал видимое над собою усилие и ответил:

— Что же, я со всей готовностью... Хоть завтра!

— Лучше и не надо быть, — согласился Богучаров. — Завтра и поезжай.

Василий не ожидал этого и даже опешил. Потом с усилием улыбнулся и выдавил из себя:

— После обеда дозволейте только к Маше сбегать.

Патмосов толкнул Богучарова.

— Сегодня, — ответил Богучаров, — лучше я к тебе Машу пришлю. Мы с Алексеем Романовичем уходим к Тугаеву, а контору на одного Михея я не хочу оставлять. Тебе ведь все равно?

Василий снова изменился в лице.

— Как вам будет угодно, — угрюмо ответил он и замолчал. После обеда Богучаров и Патмосов собрались идти к Тугаеву.

— Так смотри же, не уходи. Я Машу пришлю! — сказал Богучаров Василию.

* * *

Тугаевы встретили гостей с радостным возгласом:

— Вот отлично! Устроим винт[22], а потом я вас такой запеканкой угощу! — воскликнул Тугаев. — Катя, распорядись!

Жена Тугаева вышла.

— На веранде устроимся, — суетился Тугаев.

— У меня просьба к вам, — сказал Богучаров, — отпустите Машу к Василию.

— Можно! — ответил Тугаев.

На веранде закипел самовар. Тугаев раздвинул ломберный стол[23].

Они доигрывали пятый робер[24], когда чуткое ухо Патмосова услышало легкий стук о перила веранды.

— Я на минуту оставлю вас, — Патмосов быстро встал и, выйдя из-за стола, спустился в сад.

Пройдя несколько шагов, он увидел подле себя человека.

— Ты, Сеня? Уже вернулся? Что узнал?

— Пошел за ней следом, — тихо заговорил Пафнутьев, — она у Василия с добрый час пробыла. Вышла и, вместо дома, в сторону пошла.

Патмосов закивал головою и потер руки.

— Так, так! Ты за ней...

— Я за ней, — повторил Пафнутьев, — она — на базарную площадь, вошла в трактир, скверный такой, а через минуту назад.

— Не одна, — сказал Патмосов.

— Да! С ней какой-то мужчина. Я в темноте не разглядел его, видел только, когда из дверей вышел. Одет рвано, борода щетиной. Они за будкой притаились. Я в темноте к ним. Что говорили, не слышал, только и разобрал: «Бу-

ду», — сказал он. Потом он опять в кабаk, а она домой!..

— Так, отлично! — тихо произнес Патмосов.

— Что теперь делать? — спросил Пафнутьев.

— За ней следить. Вовсю, голубчик! Завтра утром ко мне приходи. Будто насчет места. Будто я нанял тебя, что ли.

Пафнутьев неслышно скрылся в темноте. Патмосов направился обратно к веранде.

— Ну, мы без вас бросили играть, — сказал Богучаров, — с вас два рубля и сорок копеечек!

— А теперь, господа, отведайте мою запеканку и карасей в сметане! — провозгласил Тугаев, суетясь у накрытого стола.

Час спустя Богучаров с Патмосовым возвращались домой.

— Что же, открыли еще что-нибудь? — спросил дорогою Богучаров.

— Каждый час приносит нам новое. Не будьте нетерпеливы, — шутливо ответил Патмосов.

— И завтра все?

— Думаю, что завтра.

— И деньги?

— Вероятно!

— Десять процентов ваши, — воскликнул Богучаров, — это премия.

— Идет! — согласился Патмосов.

Они постучали в калитку. Дворник тотчас отворил ее. Патмосов отстал от Богучарова.

— Эту ночь не спи, Кирилл, — сказал он дворнику, — запри калитку, иди к себе и меня жди. Хоть всю ночь. Я заплачу тебе.

— Слушаю-с!

Патмосов нагнал Богучарова у дверей. Со скамьи поспешно поднялся Василий.

— Ну, вот и мы! — сказал Богучаров. — Постели готовы?

— Все сделал.

— Можешь идти, я запроу.

Василий тотчас ушел.

— Я сейчас и спать, Сергей Петрович! — сказал Патмосов, направляясь в столовую.

Он закрыл дверь, торопливо вынул из чемодана черные брюки с черной сатиновой рубашкой, револьвер и небольшой сверток. Затем он быстро переоделся в черное, задул

лампу, крадучись, вышел из комнаты, открыл входную дверь и очутился на лестнице.

— Ну, ну! И это хорошо! Давай делить.

— Машка достанет их и завтра принесет.

Ты пятьсот получил? Теперь как сделать?

— Их уж тютюкой звали! Фью! — слышался хриплый смех.

— Твое дело, — сказал Василий, — теперь тебе еще десять тысяч, и в стороны!

— Давай десять. Мне што! Уйду отсюда и закурю!

— То-то, давай! Для того и звал. Как дать?

— Попроси отложить поездку. А ночью я опять буду, и поделим.

— А если гнать будет?

— Не соглашайся. Уедешь без дележа, тебе хуже. Мне все едино пропадать, а тебе не с руки! — и в сиплом голосе слышалась угроза.

— Для чего ж я звал тебя, — миролюбиво сказал Василий, — я по-честному. Ссориться не хочу.

— Ну и все! Значит, завтра об эту пору!

— Хорошо!

— Ну и иди себе. Я курну, да и с Богом!

— Тогда прощай!

— Иди себе! Сторожи господ! — с насмешкой сказал сиплый голос. — А тот франт, значит, с носом?

— С носом! — уже выходя из беседки, ответил Василий.

В беседке вспыхнула спичка, и Патмосов увидел грубое лицо с крючковатым носом.

Патмосов ощупал левый карман и тихонько подкрался.

Приятель Василия несколько раз пыхнул папиросою, потом встал.

Патмосов замер. Приятель Василия прошел совсем подле него, бросив в траву папироску. Патмосов приноровился и, едва тот оказался к нему спиною, бросился на него, и в одно мгновение полузадушенный бродяга лежал навзничь на земле.

Еще мгновение — Патмосов ловко забил ему рот платком, что-то звякнуло, и приятель Василия почувствовал наручники. Он зарычал и с яростью вскинул ногами. Патмосов поднялся с земли.

— Поздно, милый! — спокойно сказал он. — Ты лучше будь умницей, встань и иди за мной!

С этими словами он ухватил бродягу под мышки и, поставив на ноги, взял за шиворот.

— Вот так! А теперь пойдём.

Ловким приемом он ухватил его сзади и без труда повел из сада через двор в сторожку дворника.

— Тсс! — сказал он дворнику, увидев, что тот от изумления готов закричать. — Вот, на сбережение, бери!

Он толкнул бродягу, от которого дворник испуганно отшатнулся. Наручники тихо звякнули.

— Мы его, Кирилл, пока в баню запрем, — сказал Патмосов, — ключ у тебя?

— У меня!

— Иди отопри! Тихо только.

Патмосов вывел своего пленника из сторожки, провел несколько шагов и втолкнул в низкую дверь бани.

— Давай веревку! Черкни спичкой.

Дворник зажег спичку. При ее свете Патмосов захватил ноги пленника, стянул их петлю, усадил его на лавку и завязал веревку вокруг ножек лавки.

— До завтра не умрет, — усмехнулся он и

обратился к пленнику: — Ну, до свидания, друг! Не сердись. Идем, Кирилл! Запирай!

Дворник послушно запер дверь.

Патмосов опустил ключ в карман и сказал:

— Смотри, никому ни слова! А то худо будет. Завтра, когда прикажу, возьми с собой ку-чера и веди его ко мне. Теперь иди спать!

* * *

Как и раньше, Патмосова разбудил Богучаров. Василий ловко и расторопно приготовил утренний чай. Патмосов быстро встал, умылся с помощью Василия и сел за стол. Василий убрал его постель и вышел.

— Ну, — поздоровался Богучаров, — сегодня узнаем?

— Сегодня, — ответил Патмосов, намазывая масло на хлеб, — и сегодня же я еду.

— Так скоро?

— Чего вам еще? Четвертый день!

В это время появился Василий с письмом в руке.

— К вам от Антона Егоровича, — сказал он, подавая письмо Патмосову, — а на словах передать велели, что на службе не будут!

Богучаров поднял голову.

— Что с ним? Кто пришел от него?

— А новый человек их! — ответил Василий. — Говорит, нездоров.

Патмосов тем временем читал письмо, и лицо его выразило полное удовлетворение.

Это был отчет Пафнутьева, написанный им под видом письма от Тугаева.

Пафнутьев писал: «Я стерег Машу и не спускал с нее глаз ни на минуту. Вскоре, как вы ушли, все легли спать. Около двух часов ночи Маша выскользнула из кухни. Я — за нею. Она в сенцах достала заступ[25], после чего пошла прямо через двор в сад. Здесь она быстро начала копать. Я решил, что она достает деньги, подкрался к ней неожиданно и быстро ее схватил. Она вскрикнула. Я зажал ей рот и связал руки. В эту минуту на ее крик вышел на веранду сам Тугаев и чуть не застрелил меня. Я окрикнул его; он спустился ко мне и, когда я рассказал ему, в чем дело, оказал мне помощь. Связанную Машу мы отвели в чулан и заперли там до вашего распоряжения. Вернувшись, стали копать землю и почти тотчас нашли узелок с деньгами, завернутый в клеенку. Деньги сложили назад, не

считая, завернули, как было, положили в яму и снова засыпали землю. Господин Тугаев вызвался сторожить деньги и Машу, а я пришел к вам. Что делать дальше?»

— Так. Отлично, — Патмосов сложил и спрятал письмо в карман, — скажи этому Алексею, — обратился он к Василию, — чтобы он остался здесь и ждал меня. Я сегодня еду и его с собой увезу.

— Так это решено? — спросил Богучаров.

— Совершенно. Я свое дело кончил, — ответил спокойно Патмосов.

Василий повернулся и вышел.

— Вы знаете, что у вас есть сухие погреба? — поинтересовался Патмосов.

Богучаров кивнул.

— Ключ от них у Василия. Устройте так, чтобы все пошло с вами в эти погреба. И Василий. Возьмите Михея с лопатой. Поняли? Предлог? Ну, скажите, что хотите туда машину поставить!

В конторе послышались голоса.

— День начался! — сказал Богучаров, вставая.

Он вошел в контору, поздоровался со все-

ми, позвал Василия, приказал ему передвинуть столы и при нем обратился к старшему чертежнику:

— А что, Иван Иванович, не хотите ли со мною спуститься в наши погреба?

— Для чего?

— На днях к нам машина печатная придет. Так я хочу ее там поставить... Надо посмотреть, пройдет ли она, где установить ее и как с полом; настилать или оставить земляной. Ключ у тебя, Василий?

— У меня.

— Так и ты пойдешь. Вели Михею заступ взять!

— Сейчас хотите? — спросил Василий.

— Пока народ, и сходим. Пойдемте, Иван Иванович?

— Отчего же! Пойдемте!

— Отлично! — Богучаров обратился к остальным: — Господа, кто хочет в сухие погреба идти, посмотреть, куда машину поставить? Ум хорошо, а десять лучше!

Служащие поднялись со своих мест.

— А кто же в конторе останется? — спросил Иван Иванович.

— Артельщик и мой гость, Патмосов. Ну, Василий, веди!

Василий пошел вперед.

— Михей! — крикнул он. — Возьми заступ и иди с нами!

Михей выглянул из своего помещения.

— Иди, что ли! — повторил Василий. — Заступ возьми! Эх, дурья башка!

Михей взял из склада заступ.

Богучаров, Иван Иванович, конторщики спускались с лестницы. Василий отпер замок и распахнул низенькую дверь.

— А все-таки прохладно... — сказал Богучаров, осторожно ступая по ступенькам.

Как только все ушли, Патмосов вышел в переднюю и, поздоровавшись с Пафнутьевым, сказал:

— Молодец, Сеня! Теперь все у нас. Я другого-то тоже изловил. Ну, последний акт! Василия знаешь?

Пафнутьев кивнул.

— Ну, вот тебе наручники. Стань позади него и, как я махну, сразу его бери! Идем! — он торопливо вышел на лестницу, а Пафнутьев за ним следом.

Василий ввел всех в погреб направо. Богучаров для виду приказал измерить его шагами, потрогал стены.

Чертежник стал говорить про недостаток света, когда в погреб вошел Патмосов и перебил его:

— А, вы тут! Преинтересные помещения. Вы в другой погреб не заглядывали еще? Помещение такое же, но занятней!

Было в его словах что-то такое, что все как-то невольно насторожились.

Патмосов взглянул на Василия и увидел, как лицо его побледнело и исказилось криковой усмешкой. За его спиной стоял наготове крепкий Пафнутьев.

— Сюда, — сказал Патмосов, открывая дверь в погреб налево, — только, пожалуйста, этих накрышек не трогайте! — указал он на куски картона, разбросанные на полу в разных местах.

Богучаров, чертежник, за ними остальные конторщики вошли в погреб.

— А где же Михей с лопатой?

— Михей! Где Михей? Позовите Михея!

Конторщики раздвинулись, и между ними протиснулся Михей с заступом.

— Вы позволите? — спросил Патмосов у Богучарова и, не дожидаясь ответа, указал ногою: — Копай здесь, Михей!

Василий стоял в самых дверях, а позади него стоял насторожившийся Пафнутьев. Михей воткнул заступ и надавил на него ногою.

В ту же минуту произошло внезапное замешательство. Василий вдруг повернулся и, видимо, хотел бежать, но Пафнутьев молниеносно ударил его в грудь, и, когда Василий вытянул руки, он сцепил их наручниками.

— Это что же? — спросил изумленный Богучаров.

— Убийца, — ответил Патмосов. — А здесь убитый! — и он указал на землю.

Василий, бледный как полотно, прислонился к притолке двери. Среди присутствующих пронесся ропот. Никто не хотел верить, чтобы общий любимец, Василий, мог быть убийцей.

Патмосов обратился к Богучарову:

— Что произошло убийство, я понял, увидев следы крови подле кассы. Их выскоблили

и замазали краской, затерев воском. Упал, разбился... Копай, копай, Михей! В длину копай, до окна!..

В погребѣ царило молчание. Патмосов продолжал:

— Что замешан тут погреб, я догадался, когда Василий, показывая мне дом, избежал погреба, а потом неохотно показал этот, левый. Я сразу увидел на земле следы. На другой день вы услали Василия, а я осмотрел погреб. Вот следы.

Патмосов снял картонки, и Богучаров увидел ясные отпечатки сапог. С первого взгляда было видно, что следы оставлены двумя, а не одним человеком.

Михей перестал копать и уставился на следы.

— Василия сапог, — сказал он, указывая на один из следов, — я ему подметку подбил и срезал. Вон!

— Копай, копай! — остановил его Патмосов и продолжал: — Я тотчас сделал с них восковые снимки. Выходя из погреба, я вдруг увидел запонку. Серебряная чернь и золотая подкова.

— Матвеева! — крикнул один конторщик.

— Совершенно верно! Это мне сказала его жена. Значит, Матвеев здесь был. У него эта запонка плохо держалась и, значит, нечаянно здесь выпала. Как? Болталась рука, задела о косяк, и запонка упала. И я решил, что он здесь.

Патмосов указал на землю. Михей в страхе выронил заступ.

— Ну, трус! — сказал Патмосов. — Копай, не бойся!.. После этого я прошел в комнату служащих и пересмотрел их вещи. У Василия под кроватью сапоги, совершенно по этому следу. Это ведь и Михей признал! Глупый, он их снял и припрятал, вместо того чтобы износить или вовсе продать... Копай, Михей!..

Среди тишины слышалось только прерывистое дыхание Василия.

Все отшатнулись от него, и он стоял теперь у всех на виду, в трех шагах от ямы, которую копал Михей.

Патмосов продолжал:

— В сундуке его я нашел белые штаны, у которых правая штанина в крови. Я их там и оставил. Следователь их найдет! Он нес труп

за плечами. У убитого была разбита с правой стороны голова, и кровь пачкала правую штанину!.. Но их было двое! Кто же второй? Я стал расспрашивать, кто оставался ночью в конторе тридцать первого мая, оказалось — он один. Дворник был у Тугаева на даче, Михай и кучер на именинах. Как произошло убийство — ясно. Артельщик приехал с вокзала и хотел спрятать в сундук деньги, но его схватили, убили, здесь схоронили, деньги отняли. Но их было двое. Кто был этот второй? Куда спрятаны деньги?

— И вы узнали? — спросил Богучаров.

— Узнал! Я нарочно попросил вас сочинить отъезд Василия. Это сразу подняло переполох.

Василий издал звук, похожий на рычание.

— Надо делить деньги, — продолжал Патмосов. — Если они у другого, надо получить свою долю; если они у него, надо выплатить товарищу; если они у третьего лица, надо их достать и опять-таки поделить. Значит, необходимо всем видеться.

Богучаров и чертежник с нескрываемым изумлением глядели на Патмосова.

— И они увиделись, — сказал Патмосов. — В эту ночь я арестовал товарища Василия, прибежавшего к нему в сад на свидание.

— Вы? Один? — воскликнул Богучаров. Патмосов улыбнулся.

— При сноровке это очень легко. В эту же ночь Маша выкапывала в саду Тугаева деньги и была настигнута моим помощником! — он указал на Пафнутьева.

Василий с яростью взглянул на него и злобно рассмеялся.

— Где же они? — воскликнул Богучаров.

— Деньги там же, в земле. Их бережет Тугаев. Маша у него в чулане, а приятель Василия здесь!

Он вынул из кармана ключ и, подавая одному из конторщиков, сказал:

— Сходите, пожалуйста, к дворнику, дайте ему этот ключ и велите привести того... арестанта. Пусть с кучером идет!

Конторщик схватил ключ и выбежал.

— Копай, Михей! Теперь осторожнее. Понемногу. Как я узнал, что здесь труп? Я просил у вас, Сергей Петрович, щуп и им прощупал!

Патмосов замолчал, и в тишине слышны

были только хруп заступа и шум сбрасываемой глины.

* * *

В погреб донесся шум шагов, голоса, и через минуту кучер и дворник ввели соучастника Василия в его страшном преступлении. Он глядел исподлобья, как затравленный волк. Проходя мимо Василия, он пытливо взглянул на него, и под его взглядом Василий словно оправился.

— Вот он, — сказал Патмосов, — я его вчера после свидания с Василием взял. Стой! — закричал он Михею и нагнулся. — Теперь снимай совсем осторожно!

Михей нагнулся и дрожащими руками стал вынимать тонкие слои глины. Образовавшаяся яма имела вид могилы. Все столпилось вокруг нее. Слой за слоем сбрасывалась глина, и вдруг один из конторщиков крикнул:

— Волоса!

— Ухо! — крикнул другой.

Михей сбросил еще слой — и мало-помалу перед присутствующими обнаружился труп убитого Матвеева. Уложить его было, видимо,

трудно, и он лежал на боку с подогнутыми ногами. Одет он был в коломенковский[26] пиджак и такие же брюки. Потемневшее лицо его было все залеплено глиной и казалось ужасным.

Все отшатнулись при виде страшной картины, и только один Патмосов стал на колени и совсем наклонился к трупу.

Через минуту он поднялся и сказал:

— Они его задушили веревкой. Набросили петлю. А когда он падал, то ударился о сундук головой. Отсюда и кровь!

Богучаров стоял бледный.

— Никогда бы не подумал про него... — прошептал он и спросил громко: — Что же теперь делать?

— Пошлите за следователем!

— А с ними?

— Отведите в тот погреб, и пусть пока постерегут.

* * *

Богучаров, едва Патмосов вошел в контору, горячо пожал ему обе руки и сказал:

— Я слышал о вас много, но то, что видел, превосходит все рассказы.

— Пустое дело, — ответил Патмосов.

— Господин следователь! — объявил, вбегая, Михей.

В комнату вошел полный, с самодовольным лицом господин.

— А, наш Лекок! — поздоровался он с Патмосовым. — Позвольте познакомиться: следователь города Нежина, Анчуткин!

— Очень приятно, — сухо ответил Патмосов.

— Жду врача, — сказал следователь, — вы позволите пока снять с вас показания?

— К чему вам беспокоиться, — мягко ответил Патмосов, — было бы лучше, если бы вы все без меня сделали. Произведите следствие, улики все налицо, и кончено. А зачем я?

— Честь открытия! Хе-хе-хе, — смущенно засмеялся следователь.

— Я не гонюсь за ней, а время мне дорого. Если угодно, так я вам пришлю по почте свое показание. Идет?

— Что же, если вы такой неговорчивый, — сказал с видимым удовольствием следователь.

— Вот и отлично!

— А деньги? — снова спросил Богучаров.

— А вы их уже с господином следователем с места возьмете, — сказал Патмосов.

— Доктор приехал! — доложил Михей.

— Ну-с, я иду! Надеюсь еще с вами встретиться, — любезно сказал следователь Патмосову.

Патмосов молча пожал ему руку.

* * *

Следствие не обнаружило ничего нового. Убийство было совершено так, как его описал Патмосов. Убийцы во всем признались, называя во время своих показаний Патмосова «чертом».

Они осуждены были на каторгу, а Маша отделалась только тюрьмой.

К досаде следователя, явилась необходимость в показаниях Патмосова, и его удивительный розыск был оглашен на суде.

1909 г.

Потеря чести

Алексей Романович Патмосов благодуше-
ствовал. Семья только что позавтракала, и
Алексей Романович пил свою чашку кофе, ве-
личиною с маленькую миску, и читал газеты.

Этот комфорт, это маленькое благосостоя-
ние досталось Патмосову далеко не легко. В
течение вот уже двадцати пяти лет он рабо-
тал на пользу общества, и в частности для от-
дельных лиц, с опасностью для жизни, в по-
стоянном напряжении, в постоянной борьбе с
самим олицетворением зла.

Патмосов известен всем, кому нужны его
услуги, как частный сыщик. Скромный и
честный, он знал не одну семейную тайну,
вверенную ему. Изобретательный и находчи-
вый до гениальности, смелый, решительный
и сильный, он раскрыл в своей жизни сотни
преступлений, настиг и предал в руки право-
судия сотни преступников, и рассказы о его
делах не менее занимательны, чем рассказы
о подвигах фантастического Шерлока Холмса.

Теперь Патмосову уже 57 лет и он берется
за дело только по особенной просьбе, но каж-

дое взятое им дело он доводит до конца, увеличивая свою славу среди сведущих об его делах людей. Даже наша образцовая сыскная полиция при каждом запутанном деле обращается к нему если не за содействием, то за советом.

Патмосов допивал последний глоток кофе, когда вошла прислуга и подала ему визитную карточку.

— Желают вас видеть!

— Попроси в кабинет!

Патмосов взял карточку и прочел: «Андрей Федорович Колычев».

— Кто это? По делу? — спросила жена со свойственным женщинам любопытством.

— Вероятно, — ответил Патмосов, застегивая и одергивая свой домашний пиджак, — если это тот самый Колычев, то, можно сказать, фигура!

Небольшая комната кабинета, устланная ковром, с тяжелыми драпировками на дверях, имела характер и делового бюро, и уютного уголка. В простенке стоял американский стол с опускающейся доской, рабочий табурет и буквое кресло. По углам два высоких, уз-

ких дубовых шкафа, которые Патмосов звал своим «архивом»; вдоль одной из стен стояла широкая оттоманка, а напротив — диван, стол, мягкие кресла, в углу, против печки, шахматный стол, над которым висел телефон.

Все четыре стены комнаты были увешаны портретами негодяев и преступников, пойманных и обличенных им, спасенных им жертв, благодарных клиентов и снимками картин преступлений.

Патмосов с любовью сортировал их, и на каждой стене развешаны были фотографии своей категории.

Когда он вошел в кабинет, гость его рассматривал фотографии, висящие над диваном.

Он быстро обернулся и протянул руку Патмосову.

— Слышал от людей, что не отказываете в помощи ближнему, и приехал к вам!

Это был высокий, плотный господин, лет 65 на вид, с седой, окладистой бородой, с сановитой осанкой человека, сознающего свое достоинство.

— Чем могу служить, всегда готов, — добродушно ответил Патмосов, — садитесь, пожалуйста. Послушаем!

Колычев опустился в кресло и еще раз взглянул на стену.

— Однако у вас коллекция! — сказал он. — И чисто ангельские и исполненные благородства лица — и тут же бритые головы и зверские физиономии. Скажите, это все преступники?

Патмосов улыбнулся.

— Мною обличенные и схваченные. Здесь много интересного для физиономиста! — он оживился и с юношеским порывом подошел к портретам. — Вот женщина с лицом кроткой голубицы. Она заманивала к себе богатых людей и помогала убивать их. Я поймал ее на шестом! А вот этот соблазнял девушек и вел ими торговлю. Это просто убийца, а вот — благородное лицо, львиная шевелюра — это мой друг Санин, известный художник, который стал убийцей в запальчивости. А этот... — тут Патмосов оборвал свою речь и добродушно засмеялся: — Я-то разболтался, а вы по делу! Простите, пожалуйста! — сказал

он и сел против Колычева с готовностью слушать. — Ну-с, теперь вы рассказывайте!

Колычев закурил папиросу и озабоченно оглянулся.

— Будьте покойны! — успокоил его Патмосов. — Мы как в башне. Двойные двери, портьеры, а здесь, — он указал на открытую дверь налево, — моя уборная и спальня.

Колычев кивнул, выпустил струю дыма и, видимо затрудняясь, с чего начать, сказал:

— Я уж с вами с полной откровенностью.

— Не иначе, — улыбнулся Патмосов.

Колычев вытер лицо платком и откашлялся.

* * *

— Видите ли, — начал он, — вы меня, вероятно, знаете.

— Действительный статский советник[27], домовладелец, гласный думы[28], помещик, владелец химического завода, председатель съезда химических фабрикантов, директор акционерного общества по выделке.

— Довольно, довольно! — остановил Патмосова Колычев. — Вижу, что знаете. Так вот дальше.

Патмосов с улыбкою кивнул.

— Вероятно, вы также знаете и моего старшего сына, Михаила?

— Михаила Андреевича? Позвольте? Да! Директор Южного банка и член правления Общества освещения?

— Да-да! Однако у вас тут адрес-календарь, — Колычев указал на лоб.

— Нельзя без этого. И потом, просто развивается память.

— Вы облегчаете мне мою задачу. Видите ли, — заговорил озабоченно Колычев и придвинулся к Патмосову, — меня начинает тревожить этот самый Михаил Андреевич.

Патмосов окаменел. Когда ему приходилось выслушивать подробности дела или исповедь, он овладевал собою настолько, что ни одним движением не выдавал ни своих мыслей, ни своих чувств.

Колычев продолжал, видимо волнуясь.

— Да, тревожит! Тревожит его поведение, его состояние. Стороной я слышал, что он играет очень крупно и несчастливо. У него есть средства. Я не говорю! Играть он может! Но вы знаете — для игры нет богатства. Игра все

сожрет, как хорошая печь дрова! И он меня начинает очень тревожить. Очень! Вы понимаете, он не ребенок. Ему уже 38 лет, и у него взрослые дети. Я ему намекал, но не больше. Говорил со снохою, но та что же может? Вы понимаете, — повторил он в третий раз и встал от волнения, — я боюсь растрат. Боюсь позора. Для него, для меня, для нас!

Он тяжело перевел дух и нервно прошел по комнате. Потом остановился против Патмосова.

— Вот я вверил вам, так сказать, нашу честь. Помогите!

Патмосов помолчал, потом спросил:

— Какой же помощи вы от меня ждете?

— Я ожидал этого вопроса, — сказал Колычев. — Вот какой! Во-первых, вы постараетесь узнать о размерах его проигрыша и степени запутанности его дел. Во-вторых, вы посмотрите за ним. Может, он окружен шулерами. В-третьих, быть может, вы найдете возможность... остановить его... нет, я не то хотел сказать. Предупредить катастрофу, — окончил он почти шепотом и прибавил: — За вознаграждением я не постою. Если потребуются

особые расходы, тоже...

Патмосов промолчал, словно не слышал последних слов Колычева. Он сидел теперь опустив голову и полузакрыв глаза. В голове его созрел план исполнения этой задачи, и в то же время он думал о бессонных ночах, которые предстоят ему, и колебался. Колычев инстинктом заинтересованного проник в мысли Патмосова.

— Именем отца заклинаю вас не отказываться! — воскликнул он.

Здесь произошло что-то странное. Патмосов поднял голову и вдруг увидел словно тень, на мгновение покрывшую Колычева. Патмосов вздрогнул и глухо сказал:

— Мое вмешательство не принесет пользы.

— Но оно мне даст хотя бы знание! Я во время сумею принять крайние меры! Не отказывайтесь!

— Хорошо! — просто ответил Патмосов. — Каким путем мне сноситься с вами?

— Лучше всего телефон, а затем лично. Утром — фабрика, днем — правление и съезд, вечером — дома. Я почти всегда дома. Зна-

менская, 17.

Патмосов кивнул.

— Итак, вы взялись, — облегченно вздохнул Колычев, протягивая Патмосову руку, — теперь я могу спокойно заниматься своими делами. До свидания!

Патмосов пожал ему руку и проводил его в переднюю.

Когда он вернулся в кабинет, он увидел на столе чек на 500 рублей, на предъявителя.

«Отчего томит меня злое предчувствие?» — мелькнуло в голове Патмосова, но он тотчас прогнал эту мысль и подошел к телефону.

— Алло! Барышня, дайте мне номер 27-035! Готово! Благодарю! Алло! Кто говорит? Это ты! Здравствуй, Сеня! Слушай, голубчик, ты мне нужен. Вот что. Узнай немедленно, что говорят про Колычева, Михаила Андреевича. Не забудь имя. Это мне. Запиши! А потом, в каких клубах он играет в карты. Сегодня же утром! Потом приедешь ко мне, к девяти часам, и все расскажешь. Ну, до свиданья!

Он повесил трубку и дал отбой.

* * *

Семен Сергеевич Пафнутьев был ближайшим помощником Патмосова, помощником, в способности которого Патмосов сильно верил и на которого мог положиться, знал, что он не продаст и не предаст. К вечернему чаю, как раз к тому времени, когда просыпался Патмосов после послеобеденного сна, Пафнутьев уже сидел в столовой и занимал веселой болтовней всех сидящих за чайным столом.

Хозяин тотчас увел его к себе в кабинет.

— Многого сказать не могу. Начну с конца, — сказал Пафнутьев. — Колычев играет везде, но главным образом в железнодорожном и купеческом. У вас есть туда вход?

— У меня вход всюду.

— А то бы я мог достать... Играет и в «Петровском», понятно, за золотым. И везде несчастливо. Проигрывает помногу. Один раз прометал двенадцать тысяч. Я тогда выиграл тысячи полторы. Говорят, он добрый семьянин. Говорят, отличный начальник, которого все любят. Говорят, что проиграл он очень много, и теперь дела его позапутались. Но это все уже надо узнать подробнее от служащих. На это время надо.

— Даю тебе сроку три дня, — сказал Патмосов.

— Отлично! И, наконец, он сегодня играет в железнодорожном! Вот и все!

Пафнутьев принялся за чай.

— Немного, а все-таки спасибо! — сказал Патмосов. — Теперь слушай. Сегодня был у меня его отец.

И Патмосов рассказал все об этом посещении, о просьбе отца и о своем согласии.

— Ты мой помощник. На этот раз твое порочное увлечение картами пригодилось. Надеюсь, никто не знает о твоём занятии?

— Что вы? Разве я дурачок?

— То-то! Сегодня мы поедem вместе, ты укажешь мне Колычева и будешь моим чичероне[29]!

— Превосходно! Но вас-то знает пол-Петербурга!

— Милый! Для этого есть грим и накладные волосы. Я буду крымским помещиком, собирающимся торговать сушеными фруктами, Яковом Павловичем Абрамовым. Запомни! У меня есть такие визитные карточки.

Патмосов прошел в свою уборную, где, от-

крыв электричество, сел к туалетному столу и стал раскладывать все принадлежности и приспособления для грима.

— Чувствую, чувствую, что бесполезен, а отказать не мог, — бормотал он вполголоса, наводя себе брови и делая морщины...

* * *

Был двенадцатый час ночи, когда Пафнутьев с крымским помещиком, Абрамовым, входил в подъезд железнодорожного клуба, где в то время велась едва ли не самая крупная игра.

Характерная черта в хронике клубов: крупная игра переходит из одного клуба в другой, как заразная болезнь, как чума. Вдруг объявится в одном, и туда почему-то устремится и крупный, и мелкий игрок, а другие клубы на время обращаются в места пустынные. Потом, так же вдруг, в этом клубе игра упадет, игроки исчезают и появляются в другом клубе.

Только купеческий клуб держится в этом отношении неизменно, и игра в нем всегда крупная и ровная.

Пафнутьев и Абрамов сбросили шубы в

швейцарской и направились в игорные залы.

Самый опытный наблюдатель не приметил бы на лице Абрамова следов грима, и близкий знакомый Патмосова не узнал бы его в этом господине с круглым брюшком, с седоватой бородкой, лихо закрученными усами, манерами отставного гусара и громким смехом.

— В прежнее время в банчишко[30] резался, а этой игры не знаю, — громко говорил он, проходя маленькую комнату с мягкими диванами, на одном из которых уже спал проигравшийся и с горя напившийся игрок.

Игра была в полном разгаре.

В большом зале и двух малых толпились игроки, то переходя от стола к столу, то облепив какой-нибудь стол, как мухи кусок сахара, то присаживаясь к столам, за которыми сидели те, которые метали банк, давали ответ и являлись центрами игры.

Бродившими были «мазчики»[31], в большинстве или проигравшиеся уже, или имеющие очень маленькие деньги, хотя между ними встречаются и крупные игроки, признающие только понт.

У Патмосова в первое мгновение закружилась голова. Яркий свет сотен электрических ламп тускнел в облаках табачного дыма, который ел глаза и от которого першило в горле. Люди в отдалении казались тенями. Все смешивалось в общую кучу, и в этой атмосфере стоял непрерывный гул, который прорезывали отдельные — то хриплые, то звонкие — возгласы...

— Прием на первую! — кричали с одной стороны. — Двенадцать рублей, восемь рублей.

— Я покрыл!

— Банк покрыт!

— Ответ! — неслось с другой стороны. —
Делайте игру!

— Комплект! Два куша!

А карточники ходили от стола к столу и, покрывая общий шум, кричали:

— Место! Место свободное! Новый стол!

И в общем шуме смеха, крика, говора, грохота стульев и шарканья ног, как отдаленная мелодия, слышался звон серебра и золота.

— Ну, руководи! — сказал Патмосов Пафнутьеву. — Прежде всего, где этот Колычев?

— Вот он, — шепнул Пафнутьев, показывая на стол.

Изящно одетый в темный пиджак, с изумрудным перстнем на левой руке, с сигарой в дорогом мундштуке, он производил впечатление джентльмена.

Физиономия его сразу располагала в свою пользу. Широкий лоб, черные, густые брови, под ними светлые, умные, серые глаза, ровный нос, полные губы, русая бородка и матовый цвет лица.

Играл он с благородным спокойствием, ничем не выражая досады на проигрыш, хотя, видимо, проигрывал, судя по тому, что каждый раз вынимал деньги из-под большого серебряного портсигара, ставил их на стол и не получал назад.

Патмосов стал разглядывать других игроков.

Очередь метать дошла до Колычева. Он что-то сказал своему соседу, и тот, мгновенно оживившись, закричал:

— Ответ!

Вероятно, все знали метку Колычева, потому что у стола тотчас поднялась давка. Через

плечо и голову Патмосова потянулись руки с деньгами. Кто-то попросил его поставить на крылья, кто-то в круг.

Патмосов, чтобы не казаться праздным зрителем, следом за другими бросил в круг три рубля.

Он уже понял, в чем состоит игра экарте [32], в которую тогда везде играли, и сразу усвоил систему ставок и расчетов.

Стол моментально покрылся деньгами.

Сосед приподнялся, чтобы сосчитать сумму ставок, но Колычев с небрежной улыбкой остановил его и сдал карты.

Два козыря, туз, король с десяткой, — и у Колычева всего двойка.

— Комплект!

За плечом Патмосова весело засмеялись.

— Две недели уже так!

— На его метке только и поправляюсь!

— Вчера, в купеческом, я на нем с трех рублей четыреста сделал! — услышал Патмосов голоса.

— Господа, берите деньги!

Патмосов получил три рубля выигрыша.

— Делайте игру!

Он оставил на столе шесть рублей и опять выиграл.

Колычев вынул бумажник и достал из него две бумажки по пятьсот рублей.

— Делайте игру! — раздался снова возглас после расчета, и Патмосов бросил все двенадцать рублей.

— Два куша!

Колычев бросил карты и снова полез в бумажник.

— Сделайте карты! — попросил он визави, и лицо его было по-прежнему спокойно и мило, только улыбка сошла с полных губ.

И опять:

— Сделайте игру!

Комплект, два куша, куш и опять комплект!

Патмосову стало совестно. Его три рубля обратились уже в сто двадцать рублей, а Колычев продолжал раздавать и раздавать. Патмосов перестал играть.

Наконец, Колычев проиграл снова, удар, полез в бумажник, вынул из него две бумажки по двадцать пять рублей, полез в кошелек, достал из него на сто рублей золота; пошарил

по карманам, набрал еще тридцать рублей и позвал карточника.

— Принеси из кассы тысячу, — сказал он и бросил карты.

— Не везет! — сказал ему отставной генерал.

— Две недели. Больше! — ответил Колычев.

Карточник принес деньги.

Колычев рассчитался, положил в карман оставшиеся деньги и встал.

— Довольно! — и он пошел от стола.

Патмосов тотчас двинулся следом за ним, с рассеянным видом смотря по сторонам. Вдруг он насторожился. К Колычеву подошел франтоватый господин и, поздоровавшись с ним, спросил:

— Вы куда? Домой?

— Домой, — ответил Колычев.

— Поедем в ресторан. У меня есть к вам серьезное дело.

— Ночью, в ресторан?

— Такое дело везде обделать можно! — смеясь, ответил тип.

— Что же, поедем! — согласился Колы-

чев. — Куда?

Подошедший назвал лучший ресторан, и они направились к выходу.

Патмосов оглянулся. К нему тотчас подошел Пафнутьев.

— Ужинать?

— Ужинай ты один. Я уеду. Разузнай же побольше о Колычеве, буду ждать, а теперь мне надо!

Он кивнул удивленному Пафнутьеву и быстро прошел в прихожую.

Выйдя на улицу, он тотчас сел в сани и велел гнать в названный ресторан.

Лихач пронес его по Невскому стрелою.

Патмосов сбросил шубу, поднялся наверх и прямо к упр авляющему.

Тот почтительно пригнулся.

— Не узнал! — засмеялся Патмосов и тихо сказал: — Это я, Патмосов!

Управляющий откачнулся с изумлением, а потом расцвел:

— Уж и искусник вы, Алексей Романович!

— Дело у меня. Вот что, дорогой! Я займу у вас тот кабинет, знаете?

Управляющий кивнул.

— А вы, как войдет сюда Колычев с одним господином... Знаете Колычева?

— Михаила Андреевича? Как же-с!

— Ну, так вы их в соседнем устройте. Поняли?

— Отлично, понял, будьте покойны.

— Так я иду!

Патмосов расположился в знакомом ему кабинете, из которого можно было наблюдать, что делается в соседнем, и спросил себе ужин.

Почти следом за ним соседний кабинет занял Колычев с своим знакомым.

Официант подал Патмосову ужин и скрылся.

Патмосов осторожно отодвинул известную только ему заслонку в стене и пристроился к ней.

Через нее нельзя было видеть сидящих в кабинете, но слышно было каждое слово.

Знакомый Колычева рассказывал анекдоты и острил. Колычев жаловался на свой проигрыш и несчастье в игре.

— Было время, когда вы били! Теперь — вас! Ха-ха-ха! Закон возмездия!

— Но слишком жестоко, Владислав Казимирович! — ответил Колычев.

Наступило молчание. Вошел официант, что-то поставил, что-то принял.

— Больше тебя не нужно! — раздался голос того, кого Колычев называл Владиславом Казимировичем.

Патмосов услышал легкий звон стаканов, слова «за ваше здоровье», чоканье. И потом голос Владислава Казимировича вдруг превратился в сухой и резкий.

Патмосов весь обратился в слух, чувствуя, что сейчас он услышит самое для него интересное.

* * *

— Вот что, дорогой Михаил Андреевич, — раздавался голос Владислава Казимировича, — вы проигрались и запутались. Не спорьте, не спорьте! Я все знаю. Я знаю, что если бы вникнуть в ваши счета с Южным банком... Ну, не буду, не буду! Молчу.

На мгновение наступило молчание, снова стукнулись стаканы, и опять тот же голос сказал:

— Так вот, я хотел предложить вам быстро

поправить ваши дела.

— Как? — спросил Колычев.

— Игрою! — уверенно ответил Владислав Казимирович.

— Не понимаю!

— Очень просто. Я беседую с вами не от себя, а, так сказать, от товарищества на веревке. Ха-ха-ха! Рассчитывая на вашу порядочность и скромность. Да-с! Мы играем без проигрыша. Хотите быть с нами заодно?

— Шул... — послышался голос Колычева, тотчас заглушённый другим голосом.

— Шулер, хотите сказать. Пусть! Чем тут возмущаться? Дураки испытывают счастье. Мы — искусство. Счастье вам изменило; искусство нас не подведет. Никогда!

Наступило снова молчание. Патмосов слышал тяжелое, прерывистое дыханье Колычева, потом крупные глотки из стакана, стук резко поставленного стакана, и, наконец, Колычев произнес:

— В чем же выразится мое участие?

— Пустое! — послышался оживившийся голос Владислава Казимировича. — Вы будете только метать. Держать ответ, как всегда. И

только!

— Своими картами?

— Не ваше дело! Вы будете брать карты со стола. Будьте покойны. Ведь мы знаем, с кем будем вести компанию!

— Все же я хочу знать, в чем моя роль и в чем тут дело.

Послышался вздох, смешок и затем голос:

— Ну, извольте! Вы берете карты. Мы сидим подле вас, стоим вокруг вашего стула. Вы закрыты. Вы сдаете три карты, а затем кладете колоду, подымаетесь! Заметьте! Так! И считаете удар. Потом садитесь и мечите. Больше ничего не нужно! Следующие удары вы можете не считать. Все готово! У вас уже другие карты, и вы всех — чик! чик! Ха-ха-ха! И пока вы с нами, мы даем вас с выигрыша ровно половину! А?

Патмосов замер, ожидая ответа Колычева, но тот молчал, и снова раздался голос его искусителя:

— У нас, видите ли, сейчас нет банкмета. То есть лица, внушающего уважение. Был Свищев, но на него стали коситься. Да! И мы остановились на вас. Не согласитесь, не надо.

Мы найдем! Но вы без нас, Михаил Андреевич, не поправитесь. На счастье отыгаться трудно. Ой трудно! А ваши дела...

Снова наступило молчание, звон бутылки о край стакана, стук поставленного стакана и тревожный голос искусителя:

— Так как же-с?

— Я согласен! — едва донеслось до слуха Патмосова.

— Я это знал! — радостно воскликнул Владислав Казимирович. — Вы умный человек! Смотрите, как вы скоро отыграетесь. Какой! Снова наиграете! Так наш? Руку! Ну-ну, не морщитесь! Мы хорошие люди, ей-богу! Еще бутылочку!

Зазвенел звонок, дверь открылась.

— Заморозить еще одну головку!

Патмосов закрыл отдушину, позвал человека, расплатился и вышел.

— Довольны, Алексей Романович? — спросил его управляющий.

— Очень хороший ужин. Хороший у вас повар, — добродушно ответил Патмосов и спустился с лестницы.

Он вернулся домой в подавленном настро-

ении и, улегшись в постель, не мог избавиться от этого настроения и долго ворочался с боку на бок. Что он скажет отцу этого несчастного человека? Как он должен поступить, проникнув в тайны шулерской компании? Вправе ли он скрывать эту тайну, быть соучастником, потому что среди них есть несчастный порядочный человек? Все эти мысли не давали ему покоя.

Послышался благовест к ранней обедне, а Патмосов еще не принял никакого решения.

* * *

Было уже десять часов, когда проснулся Патмосов, и едва открыл глаза, как тотчас принял определенное решение относительно дела Колычева.

Это было решение ума и сердца, и Патмосов сразу почувствовал облегчение, словно он сбросил с себя тяжесть.

Он быстро встал, умылся, наскоро выпил чай и вышел из дому.

— За Нарвскую заставу! — приказал он извозчику, садясь в сани без торгу.

Колычев-отец сидел в своем кабинете на химическом заводе и делал расчет с химиком

и управляющим, готовясь открыть при заводе отделение для фабрикации красок, когда ему подали карточку Патмосова.

— Проси! — приказал он сторожу и обратился к своим служащим: — Вы, господа, уж извините меня. Расчет отложим до завтра. Это очень нужный мне господин.

Патмосов уже входил в кабинет с торжественной серьезностью на лице. Химик и управляющий собрали бумаги и, пожав руку хозяину, вышли. Колычев быстро пошел навстречу Патмосову, с тревогою всматриваясь в его лицо.

— Здравствуйте, уважаемый Алексей Романович! Большой конец сделали, и в такой мороз! Вы бы по телефону!

— Не нашел возможным, — ответил Патмосов.

— Что-нибудь особенное? Вы его видели? Узнали? — с тревогою спросил Колычев и спохватился: — Что ж мы стоим! Садитесь, пожалуйста. Вот и папиросы!

Они сели у стола друг против друга.

Патмосов вынул из кармана бумажник, достал оттуда полученный им чек на пятьсот

рублей и положил его на стол, подвинув к Колычеву.

Колычев с изумлением отшатнулся.

— Что это значит, Алексей Романович? — спросил он.

— Простите, — тихо сказал Патмосов, — сейчас я не могу взять на себя вашего дела.

— Почему? — с изумлением воскликнул Колычев.

Патмосов с минуту молчал, потом ответил:

— Я не хочу объяснять вам причин, уважаемый Андрей Федорович, но сейчас мне кажется, что я даже не нужен. И вообще в этом деле лишний.

— Но без вас я слепой!

— Мое зрячество причинило бы вам больше горя и ни от чего не спасло бы вашего сына.

— Он разорен? — обреченно допытывался Колычев. — Растратил?

— Вероятно, — ответил Патмосов, — хотя сейчас не могу сказать вам точно. Но могу сказать, что он теперь поправится.

— Я ничего не понимаю, — растерянно сказал Колычев, — слышу только, что вы отсту-

паетесь, и чувствую, что-то скрывается тут.

Патмосову стало тяжело видеть скорбь отца и честного человека.

Он быстро встал.

— Могу обещать вам одно, — твердо сказал он, — что я не оставлю вашего сына в минуту опасности. Теперь же не нужен. Вреден даже, — прибавил он с улыбкою и протянул Колычеву руку.

— Я в отчаянии и не знаю, что думать, — глухо сказал Колычев.

— Вы ведь не можете насильно вырвать его из Петербурга и отправить, например, за границу?

— Нет!

— Оставьте это дело своему течению. Он поправит, а тогда... тогда заставьте его уехать.

Патмосов пожал Колычеву руку и быстро вышел.

Колычев взглянул на чек, оставленный Патмосовым, и тяжело вздохнул. Какая гроза собирается на его голову?...

Патмосов возвращался домой и думал, что иначе поступить он не мог. Донести, но о чем? Факта налицо нет, и нельзя Колычева с

его именем выгнать из клуба. Поймать? Но он слишком опытен и знает, что один он не в силах обличить шайку и поймать на месте преступления. Самое лучшее — отойти и наблюдать издали. Если он что-нибудь понимает, то для него несомненно, что Колычев быстро порвет сношения с этими мазуриками. Вот тогда и спасать его. А теперь — в сторону.

Он приехал домой.

— Вас ждут два господина, — сказала ему горничная.

Патмосов прошел в кабинет и приказал просить посетителей, которые ждали его в гостиной.

Патмосов беседовал с ними часа два, потом уехал с ними и вернулся домой только вечером.

Несмотря на усталость, он был весел.

Ему предложили крайне интересное дело, за которое он взялся с увлечением и которое отвлекало его от мыслей о Колычеве.

* * *

В этот день Пафнутьев не видал Патмосова и на другой день приехал к обеду с коробкой конфет и кучею новостей. Дружная семья се-

ла за стол, и никто бы не подумал, видя за столом Патмосова, что этот добродушный господин, отец, с которым так легко и свободно все шутят и разговаривают, — гроза темного Петербурга, воров, мошенников и убийц.

Обед кончился. Патмосов увлек Пафнутьева в свой кабинет и, когда горничная подала им кофе, запер за ней дверь и сказал:

— Ну, что? Колычев вчера выиграл?

— Вы откуда знаете? — удивился Пафнутьев. — Колоссально! Опять в железнодорожном! Все ждали раздачи и валили деньги, а он бил и бил! На мой взгляд, он вчера унес тысяч двадцать. Бил, как хотел, и что особенно умно с его стороны, так то, что он бросил игру, прометавши талию[33], и уехал!

— В чем же тут ум?

— Как в чем? На второй мог отдать все назад и своих прибавить!

Патмосов понял и кивнул.

— Скажи мне, посещая клуб, ты все-таки делаешь что-нибудь — следишь?

Пафнутьев засмеялся.

— А то как же иначе! — ответил он. — Это уже само собою. Я, к примеру сказать, знаю

все игрецкие плутни, все мошеннические приемы, многие шулерские и, наконец, почти всех шулеров в лицо знаю.

— Владислава Казимировича знаешь?

— Это Калиновского? Как же! Но какой же он, Алексей Романович, шулер! Смелый игрок, и только!

Патмосов засмеялся.

— Так-так. Это видно, что ты всех шулеров знаешь. А Свищева?

— Не понимаю! — обидчиво пожал плечами Пафнутьев. — Вы это нарочно. Крупный коммерсант...

— Чем торгует?

— То есть он больше по комиссиям, — замялся Пафнутьев.

— Так! Ну, а кого же ты знаешь?

— Бадейникова! Вот это шулер!

Патмосов засмеялся.

— Милый, да ты такого знаешь, которого даже уличные мальчишки знают! Это тот, которого судили по подозрению в грабеже и убийстве?

— Да, он самый!

— Ну, знания! Да ведь тогда на суде выяс-

нилось, что он за гусь! Ха-ха-ха!

Пафнутьев смутился.

— Ну, вот что, — серьезно сказал ему Патмосов, — сегодня опять поезжай в клуб и скажи, как играл Колычев, а за Свищевым и этим Калиновским последи внимательно и запомни, с кем они дружат, шепчутся. Понял?

— Понял, — сказал Пафнутьев и растерянно прибавил: — Да неужели они...

— Самые настоящие, мой милый! — сказал Патмосов. — А теперь иди к дамам. Я спать буду!..

* * *

У Патмосова явилось новое дело, которому он отдался всей душой. Он теперь пропадал по целым дням и то и дело уезжал из Петербурга.

Но Колычева он не выпускал из виду ни на один вечер.

За его игрою следил Пафнутьев и давал Патмосову подробные отчеты.

Патмосов слушал, бранил и хвалил Пафнутьева, наставлял его в дальнейшем и на вопросы, что он хочет делать и чего ждет, обыкновенно отвечал:

— Когда наступит момент, я возьмусь за дело. А теперь подождем!

В следующий раз, как и в первый, Пафнурьев приехал к Патмосову озабоченный и сказал:

— Колычев опять всех обыграл!

— Где и как?

— Теперь в купеческом. Бил целую талию, потом бросил и уехал. Тысяч четырнадцать набил!

— Ну, а за теми смотрел?

— Смотрел, но что же? Они оба были, и Свищев, и Калиновский, но вели себя безукоризненно. Свищев, когда уехал Колычев, проиграл тысячи две.

— Они сидели за столом, когда метал Колычев?

— Подле него!

— Ставили?

— Не заметил. Впрочем, Калиновский говорил потом, что проигрался в его метке.

— Говорил! Ох, Сеня, Сеня! Сколько времени тебя учить, что все видеть и слышать самому надо! Сегодня поедешь, и завтра, и послезавтра, — только следи за ними. Понял?

Пафнутьев молча кивнул.

А потом не выдержал:

— Вы здесь сидите, а я все время играю, и вы не верите, что это вполне порядочные люди.

— Дурак ты, Сеня! — просто сказал Патмосов.

Прошло три дня, и Пафнутьев восторженно сказал Патмосову:

— Вы правы! Они оба очень подозрительны. За игру Колычева они ничего не ставят, а только говорят, что проиграли.

Патмосов кивнул.

— Вчера на улице я видел их с Бадейниковым. Они о чем-то говорили очень оживленно.

— Ну-ну! А с Колычевым?

— Незнакомы!

Патмосов улыбнулся.

— Теперь вот что, друг! Как только Колычев выиграет и поедет из клуба, последи за ним. Понял?

Пафнутьев уже ничего не возражал и на другой день приехал взволнованный.

— Вы словно через стены видите!

— А что?

— Я вчера поехал за Колычевым, он опять выиграл. Днем в купеческом, вечером в железнодорожном. Ну, поехал за ним, а он в «Ярославец»! Я туда. Он сел в зале, а потом, я смотрю, явился Калиновский. Они поздоровались и прошли в кабинет.

— Ну-ну! Теперь начинаешь понимать?

— Да! Что-то есть между ними. Неужели Колычев...

— То-то! А какой он теперь по виду?

— Совсем другой. Раньше он проигрывал, но был ровен, улыбался, иногда был веселый и всегда милый. А теперь — нервный, угрюмый, осунулся. Совсем другой!

Патмосов вздохнул.

— Нелегко это порядочному человеку.

— Что прикажете дальше делать?

— Дальше? — Патмосов помолчал и потом сказал: — Следи за ним до той поры, пока он из клуба не поедет прямо домой. Как это выследишь, сейчас же мне сообщи. Немедля!

— А если вы в отъезде?

— Ты всегда знаешь, куда я еду. Телеграфируй тотчас!

— А если что особое увижу?

— Ну, это до личного свидания отложишь!

Пафнутьев уехал, и Патмосов снова отдался своему новому делу, на время забыв о Колычеве.

Но через три дня Пафнутьев приехал к нему не в обычный час.

— Много необыкновенного!

— Ну? Они рассорились?

Пафнутьев опять удивился.

— Да! Но откуда вы все это знаете?

— Милый, этого надо было ждать, и только за этим я и поручил тебе следить.

— Да, да! Видимо, рассорились!

— Что же ты видел?

— Третьего дня, вечером, я увидел его в ку-печеском. Он метал и всех бил.

— Ну?

— А за столом не было ни Калиновского, ни Свищева, ни Бадейникова. Он был один!.. Наметал тысяч восемь и встал. Я за ним. Было уже двенадцать часов. Он только что вышел, как к подъезду подкатил Калиновский и прямо к нему. Они отошли, а я будто галошу уронил. Ищу и слышу, — Калиновский сразу ему:

«Ты, значит, без нас играл, как ты смел!» А он: «Я за свое счастье сыграть хотел». Калиновский снова: «Мы тебе в собранье назначили!» — «А я не захотел». — «Едем теперь!» Колычев сначала не хотел, потом поехал.

Патмосов заинтересовался.

— Это третьего дня было? Так! Ну, а вчера?

— Вчера я был в железнодорожном. Смотрю, они все, а Колычева нет. Я и стал за ними следить. Вижу, волнуются. Пришли в буфет и заняли столик. Я занял рядом. Всего нельзя слышать, но обрывки доносятся. Калиновский сказал: «Он опять где-нибудь за себя играет». — «Теперь его не удержать», — сказал Бадейников. Они совсем стали говорить шепотом. Потом Свищев вскочил и направился к выходу. «В купеческий!» — крикнул ему Калиновский. Я ушел, вернулся, они все сидели. Я занял комнату, через которую надо идти в буфет, и взял газету. Почти с час просидел. Вдруг идет Свищев, один и совсем расстроенный. Вошел в буфет, а оттуда они все уже трое. Я совсем спрятался. Они приостановились, и Калиновский сказал: «Изменил негодяй!» — «Тем хуже ему!» — сказал Бадейни-

ков, да так, что мне стало страшно.

Патмосов кивнул и решительно встал с дивана.

— Спасибо тебе! Ну, теперь мне надо действовать. Будем спасать его!

* * *

На далеких Пороховых[34], среди крошечных домиков обывателей, стоит хорошенький серый домик с мезонином[35] и балкончиком, с садиком и верандой, некоего Аникова, Ефрема Степановича, прогоревшего помещика, как его называют соседи. В домике этом живет он один со своей служанкой, рябой Авдотьей, бабой лет тридцати двух, лихой и бойкой.

На какие средства живет этот Аников, никто не знает, и все думают, что он доживает последние остатки от своего благополучия.

Но живет он прилично и независимо, в некотором роде изображая барина среди окружающей его бедноты. Едет он в город и из города всегда с целыми корзинками всякого добра. Нередко к нему приезжают господа, большею частью статские, и, видимо, по делам, так как бывают у него не больше ча-

са-двух.

Живет Аников замкнуто, и те, которые изредка посещают его, говорят, что у него есть комната всегда на запоре, куда даже не заглядывает его Авдотья.

Вообще Аников на Пороховых окружен некоторой таинственностью, хотя внешнею своею не представляет ничего примечательного.

Сухой, высокого роста, с длинной черной бородой, тронутой сединой, с лысой головой и мелкими, плутоватыми чертами лица, он ничем не выделяется из толпы и кажется самым ординарным человеком, а между тем этот Аников — человек в некотором роде исключительный, и таланты его не из обыкновенных.

Было часа три, обеденное время на Пороховых, когда к дому Аникова подъехал Патмосов и позвонил у его двери.

Рябая Авдотья открыла двери и впустила Патмосова в жарко натопленную прихожую.

— Барин дома?

Авдотья, вероятно предупрежденная, тотчас ответила: «Пожалуйста, ждут!» — и приго-

говилась помочь Патмосову снять шубу, когда на пороге показался сам хозяин и радушно сказал:

— Жду, жду! Собирался ехать, но получил письмо и остался ради дорогого гостя! Милости просим!

— Ну что, совсем бросил?

— Совсем. Теперь помогаю только.

— Фабрика? — усмехнулся Патмосов.

Аников засмеялся.

— Именно. Пожалуйте ко мне. Я вам пуншику[36] приготовил. С холоду это превосходно!

И Аников провел его по маленькому коридорчику, толкнул дверь и ввел в большую, жарко натопленную, светлую комнату с окном, устроенным под самым потолком.

— Это чтобы не подглядывали, — сказал он.

Патмосов стал с любопытством осматриваться.

В комнате стоял широкий диван, два кресла и стол между ними, за которым теперь Аников хлопотал с пуншем. В углу стоял шкаф вроде буфета, а по двум стенкам боль-

шие сосновые столы, на которых грудями были навалены игральные карты без бандероли [37] и в бандероли, а тут же рядом и самые бандероли, искусно вскрытые.

— И впрямь у тебя тут фабрика, — сказал Патмосов.

— Живу с этого! — вздохнул Аников. — Пожалуйте!

— Ну, покажи мне все! — сказал ему Патмосов.

Аников оживился.

— Для вас с удовольствием! Вот извольте видеть, — он подошел к столу и взял пачку карт, — это для подбора колоды. Здесь у меня ровно три дюжины колод вскрыто. Все одного крапа [38]. Видите? Вот из них-то я и подбираю.

— Как?

— Принцип один. По крапу. Извольте видеть, здесь крап звездочками. Смотрите на уголки. Вот на уголке одна звездочка, а вот две, а вот три, четыре, а вот одна и половинка. Поняли?

— Пока ничего!

— А очень просто. Здесь у меня три дюжи-

ны карт, то есть тридцать шесть в колоде. Это собственно для экарте готовятся и для макао [39]. Теперь, извольте видеть, для экарте что нужно? Одна масть! Так? Я вот и подбираю. Пусть у всех червей будет одна звездочка в уголку, а бубен — две, у трефей — три, а у пик — одна и половинка. Хорошо-с! Сажусь, делю все карты по мастям и начинаю просматривать крап, просматривать и откладывать. Вот и все. Вы приехали. Вам нужно для экарте. Пожалуйста, вот колода и ключ к ней! Хе-хе-хе!

— А для макао?

— Там я жир[40] мечу и девятки с восьмерками. Те еще легче. Жир, положим, звездочка в уголке, девятка — две, а восьмерка — три!

— И дорого платят?

— Дешевле как за пятьдесят рублей нет. Судите сами, одни карты мне с извозчиком двадцать рублей стоят, а из них много, если три колоды сделаешь. Да забота. В день талию сделаешь, да и будет! А для банка так я по триста рублей беру. Помилуйте! Там каждая карта отмечена. Для такой колоды я по восемь дюжин порчу, а работаю иной раз неде-

ли по две! Только теперь мало их спрашивают, — вздохнул он, — делаю из любви больше! Вот, не угодно ли поглядеть! — он подбежал к шкафу-буфету, отпер и распахнул одну дверцу. — Вот мой товар!

В шкафу на трех полках лежали запечатанные в бандероль карты, и под каждой колодой видна была записка.

— Талии и ключ к ним! На всякую игру!

— Химик! — усмехнулся Патмосов. — Ну, теперь помогай мне!

Лицо Аникова приняло выражение деловитой внимательности, отчего сморщилось, словно он собирался чихнуть.

— Видишь, ты мне открыл свою фабрику — поверил! И я тебе поверю.

Патмосов подробно рассказал ему историю Колычева. Аников слушал, кивал и вставлял свои замечания.

— Очень просто. Они ему только подменяли! Свищева знаю и Калиновского! Кто ж Бадейникова не знает!.. Так...

Патмосов окончил и спросил:

— Что же ты думаешь? Как они ему отомстить могут?

— По-всякому, Алексей Романович! К примеру скажем, подложат ему талию, да сами и обличат его. В карман ему могут карты засунуть. Мало ли как! По-моему, ему теперь во все карты оставить надо. С огнем играть будет!

Патмосов задумался.

— Я помогу ему!

Аников улыбнулся.

— Простите, Алексей Романович, только вы ему тут не в помощь. Можете вы их накрыть, обличить и прочая. А как вы им помещаете его опорочить, не пойму! Нет, пусть он вовсе бросит дело или помирится с ними!

— Ну, хорошо, — нетерпеливо перебил его Патмосов, — теперь ты мне вот в чем помоги. Сведи меня с этим Свищевым и прочими.

— То есть как это?

— Извести, что я... ну, хоть московский шулер, одесский, что ли, и хочу в их компанию.

— Да ведь вас в лицо знают, кто вы такие!

— Эх! А еще умный, — засмеялся Патмосов, — ты ведь меня знал, а целый вечер за графа Косовского принимал.

Аников тоже засмеялся и махнул рукою.

— И то поглупел! Что же, я это могу. Я письмо напишу, а вы им его передайте.

Он тотчас сел к столу, достал бумагу и взял перо.

— Как вас назвать-то?

— Яков Павлович Абрамов, крымский помещик!..

— Так и напишем! — и он стал писать, диктуя себе письмо вслух: — «Никаша или Поляк, вот рекомендую вам в компанию дельного человека. Называет себя Яковом Павловичем Абрамовым, имеет деньги и все знает, я с ним двадцать лет назад в Москве работал, а теперь он ко мне заявился, а я его к вам. Фабрикант с Пороховых.» Вот! Готово! А в случае, ежели откроетесь, так я скажу, что не вам письмо дал, а вы его, значит, похитили.

— Говори, что хочешь! — засмеялся Патмосов, беря от Аникова письмо. — Ну, спасибо тебе! Услуга за мной!

— Помилуйте! Что вы мне тогда сделали, я вовек не забуду! — сказал с чувством Аников.

Патмосов простился с ним и поехал домой, по дороге, думая о катастрофе, которая может разразиться над Колычевым.

«Товарищество на паях», как назвал свою компанию Калиновский, совершенно растерялось, обозлилось и испугалось.

Колычев им изменил. Это факт.

Сначала он стал играть потихоньку от них за свое счастье.

Они назначали игру в купеческом, он ехал в железнодорожный; они — в железнодорожном, он ехал в купеческий. И главное, ему везло! Везло, и он объявил им, что больше им не товарищ.

Все к одному! Им было завидно, что ему так повезло, что он уже отыгрался и даже в выигрыше; было беспокойно, что он знает их тайну и их всех, и, наконец, самое главное, что они потеряли такого банкюмета. С деньгами, положением, пользующегося общим уважением. Где найти такого еще!

Они сидели в клубном буфете, вполголоса обсуждая свое положение, когда к их столу подошел полный господин с седою бородкою, лихо закрученными усами и спросил:

— Кто, госюда, из вас Свищев, кто Калиновский?

— Я! Я! — отозвались оба.

— Так вот вам от моего приятеля. Я здесь посижу! — он подал письмо, указал на свой столик в углу буфетной, отошел к нему, заказал себе кофе и стал наблюдать.

Три головы склонились над письмом, которое вскрыл и читал Свищев. Потом все трое оглянулись на этого господина и опять, сдвинув головы, стали негромко говорить, потом Калиновский встал и решительным шагом направился к этому господину.

Патмосов встал ему навстречу и протянул руку. Калиновский горячо пожал ее, сел к столу и сразу начал:

— Нечего и говорить, вы наш! Приняты единогласно! Ха-ха-ха! Пойдемте знакомиться!

Патмосов встал и под руку с Калиновским подошел к столу, где сидели Свищев и Бадейников.

— Рекомендую, крымский помещик Яков Павлович Абрамов! Прошу любить и жаловать!

Все радушно пожали ему руку и приветствовали как нового товарища.

— Давно к нам пожаловали? Откуда?

— Так, слонялся, — ответил Патмосов, — был в Москве. Игра большая, но никого не знаю. Попробовал на счастье и продулся.

— Нам на счастье нельзя играть. Мы от него отказались сами, — суеверно заметил Свищев.

— Это вы совершенно верно заметили, — сказал Патмосов и беспечно продолжал: — А приехал сюда с месяц — и вас первыми заметил.

— Это как?

— А в купеческом один блондин ответ давал, так вы ему талийку!.. — и Патмосов сделал выразительный жест.

— Тсс!.. — остановил его Свищев.

— Господа! — сказал Бадейников. — Я предлагаю новое знакомство вспрыснуть и для него проехать... ну, хоть в «Ярославец». Там и поговорим!

Патмосов тотчас согласился, и все дружной компанией двинулись к выходу, а через пятнадцать минут уже входили в отдельный кабинет ресторана.

* * *

Калиновский распорядился. Он заказал водку с закуской, а потом ужин и вино.

И он, и его товарищи, видимо, были оживлены, и в лице крымского помещика видели посланную им судьбою помощь.

— Вот вы говорили про того блондина, — сказал Свищев, чокнувшись с Патмосовым, — так мы вам скажем, что обогатили его, честь ему вернули, деньги, а он, мерзавец, после этого и надул!

— Скажите пожалуйста! Украл?

— Нет, этого не удалось, — сказал Калиновский, — просто отказался от компании и за свое счастье играть стал.

— Скажи, за свой страх! — вставил Бадейников.

— Это мы увидим! Я этого так ему не оставлю! Да-с! — и Свищев хлопнул огромной ладонью по столу.

Сам Свищев, огромный, рыжий, с громадной головой на короткой шее, с грубыми руками, пальцы которых были словно обрублены, производил впечатление разбойника с большой дороги.

Калиновский с манерами выхоленного па-

на, с певучим голосом, плотный красивый мужчина, являлся типичным шулером, и, наконец, Бадейников, дополнявший компанию, производил впечатление альфонса. Жгучий брюнет, вероятно, одессит, невысокого роста, с деликатными манерами, с кукольным лицом, на котором резко, как нарисованные, выделялись усы и брови.

— Что же ты сделаешь, медведь? — засмеялся он.

— Подведу, назову жуликом, в морду дам! — прорычал Свищев.

Патмосову стало страшно за Колычева. Для него было ясно, что этого Свищева можно напоить, потом раздражить, и он полезет на всякий скандал, как бык на красное.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Калиновский. — Друзья, его и подводить не надо. Сам влетит! Вы думаете, счастья надолго? А?

Бадейников с улыбкою кивнул, а Патмосов сказал:

— Известно!

И Калиновский разгорячился.

— Я уверяю вас, — сказал он, перегибаясь через стол, — что этот Колычев под конец

именно за свой страх на фокус пустится, и тогда... — он сделал паузу. — Всем только следить надо!

Он опрокинул в рот рюмку водки.

— Именно! — мягко сказал Бадейников. — Только следить!

Лакей внес ужин. Разговор на время прекратился. Патмосов затронул другую тему.

— А Ефрем Степанович преотлично устроился, — заметил он.

— Еще бы! Чего ему? Сиди и работай, — подтвердил Свищев.

— Единственный у нас. Я думаю, на всю Россию! — сказал Калиновский. — Из Москвы приезжают. Одно слово, артист!

— А хорошо он работал? — спросил Бадейников у Патмосова.

— Умел! — ответил он и стал врать: — Мы с ним в Москве работали, в Нижнем, по Волге, на водах. Главное, штос и стуколка[41]!

Свищев вздохнул.

— Тогда, говорят, дела были. Теперь что! Дрянь! Арапа этого развелось, что блох. Ей-богу!

Патмосов знал, что «арапом» зовется иг-

рок, приходящий без денег.

— Всегда они были! — сказал он.

Бадейников засмеялся.

— А вот мы теперь и с них шерсть снимем!

— Как?

— Хотите с нами в компанию, расскажем! — решительно предложил Калиновский.

— Я для этого и ехал! — сказал Патмосов.

— Руку! — закричал Свищев, протягивая свою лапу. — Вот, Костя, и банкомет! А! — торжествовал он. — Бадейников! Требуй вина. Вспрыснем!

Ужин кончился. Лакей подал вино и кофе. Свищев захмелел и начал шуметь.

— А какое дело? — спросил Патмосов.

— Я клуб открываю, — скромно сказал Бадейников, — нашел уже основателей. Вот вы, здесь есть литератор Пирон...

— Водевили пишет! Тру-ля-ля! Опять, хроннику! В «Листке»[42], — вставил Свищев.

— Да! Потом редактор один, Сморчков, и отставной генерал. Откроем, и пойдет наше дело!

— У-ух! Вихрем! — жмурясь, проревел Сви-

щев.

— Так вы наш? — сказал Калиновский. — За дружеский союз! Ура!

Они чокнулись.

— Теперь о деле, — серьезным тоном начал Калиновский, — вы отныне наш банкомет. Вас, понятно, учить нечему. Будете в ровной дележке. Мы откладываем двадцать процентов, а остальное поровну. Завтра начнем!

— Согласен! — сказал Патмосов. — Только не завтра.

— А что?

— Одно, завтра — пятница, а я в такой день — ни-ни! Второе, не знаю еще публики. Надо походить, оглядеться.

— Ну-ну! Недельку всегда переждать можно.

— А мы тем временем с тем прохвостом расправимся, — упрямо твердил Свищев. — Попомнит он нас! Да! Это ему так не пройдет. Нет, голубчик! Влетишь!..

У Патмосова от этих слов сжималось сердце. Завтра же он будет у Колычева!

Ужин окончился. Друзья подхватили пьяного Свищева. Патмосов, пользуясь этим, вы-

скользнул от них и уехал домой.

* * *

Пафнутьев приехал утром не столько с докладом, сколько из любопытства.

— Ну что? — встретил его вопросом Патмосов.

— Опять выиграл и опять был один!

— Играл в железнодорожном?

— Да!

— Много выиграл?

— Теперь уже очень много. Вчера тысяч шесть, да раньше, почти две недели. Какой, больше!

— Я думаю, он отыгрался, — решил Патмосов.

— Наверное! — с убеждением сказал Пафнутьев.

Патмосов отказался от завтрака и поехал из дома. Он отправился в Южный банк.

— Михаил Андреевич в правлении? — спросил он.

— Так точно! — ответил швейцар, снимая с него шубу. — Пожалуйте наверх!

Патмосов поднялся во второй этаж и подал курьеру свою карточку.

Через несколько минут он вошел в роскошный кабинет директора Южного банка.

Колычев-сын поднялся к нему навстречу.

Патмосов взгляделся в его бледное, осунувшееся лицо и поразился его болезненному виду.

— Пожалуйста! — Колычев указал Патмосову на кресло, сел сам и придвинул к Патмосову ящик с сигарами.

Патмосов твердо взглянул ему в глаза и решительно приступил к делу:

— Я приехал из личного к вам расположения с просьбою прекратить игру в карты!

Колычев, видимо, не ожидал разговора на подобную тему и в изумлении откинулся.

— Но, позвольте, — начал он с обидною вежливостью, — на каком основании вы...

Патмосов поднял руку, перебивая его:

— Как расположенный к вам человек. У вас семья, отец, у вас положение, незапятнанное имя.

Колычев вдруг покраснел и выпрямился.

— Но позвольте! Я.

Патмосов опять перебил его:

— Вы рискуете потерять все! Потерять

честное имя!

Колычев весь напрягся и почти крикнул:

— Никогда!

— А я говорю, можете! — повторил Патмосов. — Вы рисковали уже честью дважды.

Колычев опять хотел перебить Патмосова, но тот остановил его.

— Да! Дважды! — сказал он с ударением. — Вы знаете, про что я говорю.

Колычев побледнел и тревожно взглянул на Патмосова.

— Что я знаю, то знаю только я, — сказал Патмосов и продолжал:

— Теперь вы отыгрались, да? Чего же вам больше? Мало вам ваших средств, мало тех испытаний, которые вы пережили?

— Но позвольте! — перебил его наконец Колычев, вздрагивая от волнения и негодования. — Кто вы?... На каком основании вы все это мне говорите?... Какие права ваши вмешиваться в мои дела и давать мне советы?... Что угрожает мне? Почему мне не играть?...

— Кто я? Вы, вероятно, не разглядели карточки. Я — Патмосов! Если вы про меня не слыхали, то скажу: я добровольный сыщик.

Да! Я немало на своем веку обличил мошенников и не раз спасал честь порядочных людей.

Колычев тяжело дышал.

— Я видел ваш проигрыш и знаю условия, при которых начался ваш отыгрыш! Да!

Колычев невольно потупился.

— Теперь дальше. Вы разорвали с ними, но эти люди не прощают измены. Они считают вас изменником!

— Что они могут мне сделать? — тихо спросил Колычев.

— Все! И я вас предупреждаю, — Патмосов встал, — вы ставите на карту честь свою и своего отца.

— Никто не посмеет посягнуть на мою честь, — гордо заявил Колычев.

— Я сделал все, что мог сделать, — с грустью сказал Патмосов, — вам остается подумать о моих словах!

— Кто вас направил ко мне?

— Что вам до этого? Отчего вы не допускаете простого расположения к вам?

— Благодарю вас, — холодно сказал Колычев, — но вашим советам не последую. Я люб-

лю игру и ее ощущения... Бояться же каких-то негодяев мне не приходится.

— Но вы с ними были вместе! — невольно воскликнул Патмосов.

Колычев вспыхнул, потом побледнел. Он тяжело перевел дух и почти прошептал Патмосову:

— Я искупил это страданиями бессонных ночей!

Патмосов молча поклонился и вышел.

Колычев стоял посреди своего роскошного кабинета, скрестив на груди руки.

* * *

В двенадцать часов ночи Патмосов входил в игорные залы железнодорожного клуба.

Дымный воздух, душная атмосфера, казалось, были насыщены какими-то нервными токами, от которых движения делались порывисты, глаза загорались. Со всех сторон неслись возгласы:

— Делайте игру! Место! Одно место! Прием на первую! Я занял!

Звенело золото, раздавался смех на одном конце и резкие проклятия — на другом.

Мимо Патмосова прошел Колычев, направ-

ляясь к столу. Он не узнал Патмосова в крымском помещике Абрамове и, задев его плечом, извинился.

Карточник уже приготовил для него место.

Патмосов прошел следом за ним и остановился, замешкав. За столом сидели Калиновский и Бадейников, заняв места между играющими, а Свищев стоял как раз позади стула Колычева.

Колычев, садясь, окинул его презрительным взглядом. Свищев нагло усмехнулся.

Патмосов тронул Свищева за локоть. Тот обернулся, и лицо его расплылось в улыбку.

— А, Яков Павлович! — воскликнул он, ухватив его под руку и увлекая. — Где пропал? И адреса не сказал! Ах, мошенник! Где живешь?

— Пока у Аникова!

— Фью! У черта на куличках. Ну-ну! Поиграем, гарни[43]займешь. С треском! Мы решили, — он понизил голос, — у тебя игру делать. Иногда... Понимаешь?...

Они вошли в читальню, которая была пуста.

— Да! — сказал Свищев, видимо уже вы-

пивший. — Заведем игру! С тобой можно вести дело, не то что с тем прохвостом!

Он ткнул пальцем на игорный зал.

— Сегодня пришли посмотреть на его игру и успокоить его, — шепотом сказал он, — а завтра закатим ему спектакль!.. Попомнит он нас! Ха-ха-ха!..

У Патмосова похолодели руки.

— Где?

— Найдем! Либо здесь, либо в «Петровском», либо в купеческом! Время хватит! Нет, нам изменять нельзя. У нас союз! Верно, Яша, а?

— Как же иначе-то? — машинально сказал Патмосов.

— То-то! Пойдем, выпьем!

— Пойдем!

Патмосов пошел к буфету, страстно желая увидеть Пафнутьева.

Пока они стояли у буфетной стойки, к ним подошел Калиновский.

— А, и ты тут! — поздоровался он с Патмосовым и сказал, обращаясь к Свищеву: — Удивительно везет ему! Все берет по два куша и прямо на счастье. Даже смотреть противно!

Костя следит, а я ушел.

— Ну, завтра сорвется! — сказал Свищев, жадно прожевывая бутерброд.

— Пойду посмотрю да рискну красненькой, — проговорил Патмосов и пошел из буфетной.

В игорном зале толпились у стола, где метал Колычев. Патмосов увидел перед ним груды денег. Он приминал рукою бумажки и насыпал на них рубли, очищая место.

— Делайте игру! — произнес он, готовясь сдать карты.

Патмосов увидел, что Бадейников поставил двадцать пять рублей. Колычев сдал и убил комплект. Он приподнялся и стал сгребать деньги.

Лицо Бадейникова побледнело и глаза сверкнули ненавистью.

Колычев рассовал деньги по карманам, бросил карты и встал от стола.

В эту минуту Патмосов увидел Пафнутьева и схватил его за локоть.

— Узнай, как хочешь, где играет завтра Колычев, и приезжай за мной так, чтобы мы были в клубе раньше его, — сказал он ему и от-

толкнул от себя.

Навстречу шли Свищев с Калиновским и улыбались ему.

* * *

Патмосов не спал всю ночь, волнуясь и мучаясь при мысли о том, что может случиться завтра.

Он всей душой был на стороне этого несчастного безумца и в то же время чувствовал, что здесь случай будет иметь гораздо большее значение, чем его вмешательство.

Вторично предупредить его — бессмысленно. Известить отца — только породить напрасную тревогу.

На одно мгновение у него мелькнула мысль предупредить старшин клуба, но тогда он должен объяснить, почему те готовят Колычеву скандал. Этого он не мог сделать.

И какой скандал? Что они задумали? Как исполнят? Нет, это первое и последнее дело Патмосова! Не его дело оберегать человека. Его дело — раскрыть преступление, накрыть преступника и передать его в руки властей. А здесь?

И Патмосов чувствовал свое бессилие.

Утром он встал угрюмый и расстроенный.

Он заперся у себя в кабинете и отдался любимому своему занятию: пересмотру архива и составлению записок. Сколько интересных дел! Какая находчивость! Какая смелость и сообразительность!

После обеда он лег, по обыкновению, отдохнуть и проснулся освеженный, сильный и бодрый, когда в комнату к нему постучался Пафнутьев.

— Ну, где?

— В купеческом, — ответил Пафнутьев, — чистая удача! Я пошел за ним следом. Он прошел в столовую и стал считать деньги. К нему подошел его знакомый, и они сговорились быть сегодня в купеческом. Там большая игра будет!

— А час?

— Он, вероятно, около двенадцати будет. Лучше к одиннадцати поспеть, чтобы не проворонить.

— Вот что, Сеня! Будем следить за ними, его беречь. И чуть что, сразу кидаться на них и ловить... Хотя я совершенно не знаю их плана!

— Будем следить! — сказал с жаром Пафнурьев. — Только едем скорее. Уже время!

— Хорошо, хорошо! Я мигом! — сказал Патмосов, скрываясь в своей уборной.

Спустя несколько минут из уборной вышел крымский помещик Яков Павлович Абрамов, а через пятнадцать минут они уже были в клубе.

* * *

— Теперь мы каждый сам по себе, — сказал Патмосов, поднимаясь по роскошной лестнице на второй этаж.

Клубный зал уже шумел, как пчелиный улей. Здесь нравы и порядки были все иные. Карточники не выкрикивали дикими голосами приглашение занять место, играющие не кричали «прием на первую!»; вся игра велась в широком масштабе, и самые игроки старались казаться солидными, если таковыми не были.

В этом клубе играют почти исключительно на ответ, а в игру с ограниченным банком садятся играть только самые богатые люди, которые вчетвером ведут многотысячную игру.

Огромный зал от входа направо был полон. Столы тянулись направо всего зала, и вокруг каждого толпились игроки, без умолку говоря, смеясь, ссорясь, отчего в воздухе стоял сплошной гул.

Но главный интерес и самые крупные игроки сосредоточились у большого стола, на лево от входа в зал, «под портретом».

В то время как за другими столами удар не превышал трехсот-четырехсот рублей, за этим большим столом не было удара менее трех-четырёх тысяч. За этим столом бывали удары в несколько десятков тысяч, и старожилы помнят феерические выигрыши и проигрыши в сотни тысяч.

Патмосов остановился посредине зала и внимательно огляделся. Он тотчас увидел Свищева, Калиновского и Бадейникова. Они ходили порознь, время от времени останавливали некоторых игроков и о чем-то говорили с ними. Патмосову казалось, что они составляют заговор против Колычева.

Бадейников увидел Патмосова и подошел к нему.

— Все еще присматриваешься?

— А что же еще делать? Играть на авоську не намерен. Вот и смотрю!

— Погляди там игру! Крупно играют, — указал Бадейников на большой стол.

Патмосов двинулся к большому столу. За столом сидело восемь человек, и право держать ответ переходило к каждому по очереди.

Вокруг теснились понтирующие[44].

Патмосов дошел до самых игроков и остановился у одного за спиною. Против себя он увидел Пафнутьева и едва заметно кивнул ему.

Знакомый Патмосову нотариус держал ответ и то бил, то отдавал, причем в первом случае весело смеялся, а во втором краснел и фыркал.

Наконец, он проиграл два раза подряд и с досадою бросил карты.

Кругом засмеялись.

— Кто теперь подержит? — спросил сидящий в очереди. — Я не буду!

— Давайте тогда мне! — раздался голос.

Патмосов вздрогнул и увидел подошедшего Колычева.

Он был весел. Бледное лицо его оживляла улыбка.

— А, Михаил Андреевич! — воскликнул, пыхтя, нотариус. — Вот кому и карты в руки!

— Садитесь! — уступил ему место отказавшийся.

Колычев сел и стал собирать карты. Сидящие за столом дружески здоровались с ним и, пока Колычев готовил карты, пересмеивались и болтали.

Патмосов приготовился. Его отделяло от Колычева несколько человек, и он решился во время игры незаметно пробраться до его стула. Пафнутьев стоял напротив, и Патмосов подал ему знак сделать то же. Они двинулись, но с боков Колычева, оказалось, стояли люди, не уступавшие никому своих мест.

Колычев приготовил карты и положил их посредине стола.

— Ну, я сниму! — сказал нотариус и снял карты.

Колычев приготовился.

— Делайте игру!

— Ну, для начала! — сказал нотариус и поставил сто рублей. Со всех сторон потянулись

руки, и скоро стол покрылся ассигнациями.

— Триста в круг! — сказал, подходя, известный подрядчик и бросил на стол целую связку трехрублевых ассигнаций. Он собирал их в клубе, и его пачка с каждым днем вырастала. Он приписывал ей особые свойства и никогда не производил из нее платежей.

— Все сделано! — спокойно сказал Колычев и сдал карты.

Первая бита, вторая дана, третья бита. Куш из круга.

Колычев отложил карты и стал собирать деньги и производить расчет.

Патмосов приковался взглядом к лежащим картам и не сводил с них взгляда, но никто их не тронул.

Колычев сел, собрал деньги, взял в руки карты и опять сказал:

— Сделайте игру!

Опять зашелестели ассигнации. На этот раз счастье изменило Колычеву, и он отдал комплект. Лицо у него напряглось, губы сжались.

— Что, Михаил Андреевич, — засмеялся нотариус, сгребая свой выигрыш, — не все

бить, приходится и расплачиваться!

— Карта не лошадь! К утру повезет! — сострил кто-то.

Колычев расплатился, причем ему пришлось вынуть свои деньги, и, смешав карты, начал их готовить. для новой талии.

Он тасовал сосредоточенно, молча.

Патмосов оглядел толпящихся игроков и невольно вздрогнул. За спиной Колычева стоял огромный Свищев и, злорадно усмехаясь, делал кому-то знаки глазами. Патмосов осторожно покосился и увидел молодого офицера.

Колычев окончил тасовку и положил карты на стол для съемки.

Через стол протянулась рука Бадейникова.

Теперь по бокам Колычева оказались и Бадейников, и Калиновский.

Патмосов кивнул Пафнутьеву и снова сделал попытку приблизиться к Колычеву, но стоящие подле не дали ему места. Попытка Пафнутьева оказалась неудачной также.

— Сделайте игру! — сказал Колычев, беря в руки карты.

Деньги со звоном и шелестом посыпались на стол.

— Игра сделана!

Колычев сдал и открыл три козыря. Ком-плект! Он отложил карты и стал собирать деньги.

Патмосов опять приковался глазами к картам.

— Позвольте, — вдруг раздался задорный голос, — я из двадцати пяти рублей пятнадцать ставил, а вы все берете!

Патмосов невольно взглянул на говорившего господина. С щетинистыми рыжими усами, с наглым взглядом, он горячился с естественным жаром.

— Сделайте одолжение, получите сдачи десять рублей! — спокойно сказал Колычев и, собрав деньги, опустился на стул, взял карты и заявил: — Сделайте игру!

Снова деньги, снова сдал Колычев карты и снова открыл двух козырных тузов. Комплект!

— Невероятно!

— Черт возьми!

— Этак без сапог уйдешь! — раздались возгласы, а Колычев собрал деньги и снова сказал: — Сделайте игру.

Игроки разгорячились. Старая примета, что после двух взятых третья бита. И на стол посыпались удвоенные, утроенные ставки. Колычев опять сдал карты и открыл на этот раз — четырех козырей!

— Невозможно! Что же это! Вот так съемка!

Колычев приподнялся собрать выигрыш, как вдруг раздался голос, покрывший общий шум и поразивший всех, как выстрел.

— Господа! — резко прокричал кто-то.

Патмосов быстро оглянулся и увидел молодого офицера. Он был красен, и глаза его горели негодованием.

— Господа, я требую, чтобы были сосчитаны и проверены карты!

— Что-о? — выпрямился Колычев, бледнея. — Что вы хотите этим сказать?

— Ничего-с! Просто требую проверки, после нее я готов дать объяснения!

— Проверить! Старшину! Это невероятно! — вдруг со всех сторон слышались озлобленные голоса.

— Что за подлость! — закричал, наливаясь кровью, нотариус. — Какая проверка?

— Мерзавцы! — проговорил подрядчик с презрением, но кругом с неистовством кричали: «Проверить!» — и чьи-то руки быстро высовывались из толпы и хватали со стола не взятые Колычевым ставки.

Колычев стал бледнее бумаги. На губах его выдавилась презрительная улыбка, и глаза метали огонь. Позади его Свищев кричал:

— Старшину сюда!

Патмосов побледнел и почувствовал, как липкий, холодный пот выступил на его теле.

Он все понял! В тот момент, когда рыжий усач поднял спор из-за сдачи, карты были обменены.

Колычев погиб, и он, старая лиса, допустил эту погибель! Если бы не толпа, сдавившая его со всех сторон, он бы упал.

— Позвольте, господа! — протискиваясь в толпе, произнес дежурный старшина. — В чем дело?

Колычев разжал губы.

— Вот господин поручик требует проверки всех карт, — сказал он.

— На каком основании? — строго спросил старшина.

— Да-с? Как он смеет? — воскликнул горячий нотариус.

— И смею! — запальчиво произнес офицер. — Считаю невероятным такое счастье и прошу проверки. Я отвечаю!

— И ответите! — глухо произнес Колычев.

— Во всякое время! — поклонился ему офицер. — Если...

— Вы извините, Михаил Андреевич? — сказал старшина и собрал карты.

— Пожалуйста! — ответил Колычев, продолжая стоять. Только теперь он оперся на стол руками.

— Вы помогите, Петр Степанович! — обратился старшина к нотариусу и, заняв место, начал быстро считать карты.

Во всем зале наступила гробовая тишина. Все давно бросили играть и окружили большой стол тесной толпой.

Патмосов слышал в тишине биение своего сердца и не спускал взгляда с Колычева.

Старшина сбрасывал по две карты и громко считал, а нотариус тут же делал проверку.

— 28, 30, 32!

— Верно, верно, верно!

— 56, 58, 60!

— Верно!

— 100!

— Верно!

Старшина поднял руку и показал четыре карты.

— Счет верен! — сказал он. — Две колоды, 104 карты!

— Я прошу разложить карты по фигурам и очкам! — выкрикнул тот же офицер.

— По фигурам! Просим! Разложить! — снова раздались голоса.

— Небывалая подлость! — закричал нотариус.

— Вы мне ответите за это! — крикнул ему офицер.

Старшина вопросительно взглянул на Колычева.

Тот нервно передернул плечами и усмехнулся.

— Прошу и я! — сказал он.

Старшина и нотариус собрали снова карты и начали раскладку.

Опять наступила мертвая тишина. Нотариус и старшина стали выбрасывать тузов.

Вдруг нотариус поднял руку с картой и замер. Колычев взглянул и покачнулся.

— Что у вас? — спросил тихо старшина.

— Покажите карту! — закричали голоса.

Нотариус бросил на стол карту. Третий туз червей!

Старшина бросил на стол четвертого туза!

— Что же это? — пролепетал растерянно Колычев.

— Я прошу смотреть дальше! — закричал офицер.

Старшина растерялся, нотариус был теперь бледен.

Что это? Что? 10 валетов, 11 восьмерок и только 4 двойки, 6 десятков.

Рыжий господин вдруг выдвинулся к столу.

— Очень просто! Была подменена талия, 17 карт были сброшены, а так как упавшие 17 были неизвестны, то вот и путаница!

— Вор! Шулер! Отдай назад деньги!

— Господа, я ручаюсь! — надсаживаясь, закричал старшина.

— А это что? — вдруг заревел Свищев и на глазах у всех вытащил из кармана Колычева

карты.

— Мошенник! Протокол! Пусть отдаст деньги!

Колычев выпрямился во весь рост и стал шевелить побледневшими губами, но слова не вылетали из его сдавленного горла.

Вдруг он с отчаянием взмахнул руками и бросился от стола. Толпа невольно расступилась от его порыва. Он побежал к лестнице.

Толпа опомнилась и пришла в неистовую ярость.

— Держите его! Ловите! — закричали кругом. — Вор!

— Он нас два месяца обыгрывал! — ревел Свищев.

Патмосов очнулся от ужаса и, быстро найдя Пафнутьева, сказал ему:

— Поезжай в сыскное. Спроси телефон. Звони во все части. Пусть оповестят все гостиницы, чтобы задержали его, он не переживет! Понял?

Пафнутьев кивнул и бросился со всех ног к выходу.

— Поймать, схватить! Я разъясню все завтра. Теперь его спасти! — бормотал Патмосов,

торопливо занимая телефонную будку. — Барышня, дайте номер 14-73!.. Благодарю! Откуда говорят? Кто? Отлично! Пожалуйста, как только вернется ваш барин, скажите ему, что господин Патмосов все объяснил! Поняли? Все объяснил! Попросите барыню не оставлять барина ни на минуту. Я сейчас приеду!.. Все!.. Алло! Барыня! Дайте номер 5-0-7! Благодарю! Кто у телефона? Так! Барин дома? Попросите его к телефону! Андрей Федорович, вы? Здравствуйте! Это я! Патмосов! Из клуба! Случилась беда! Оденьтесь. Я еду к вам! Да, да! Большая беда! Но еще все поправимо! Еду!

Патмосов повесил трубку, быстро сбежал с лестницы, оделся, вышел на улицу и, взяв первого извозчика, крикнул:

— Гони на Знаменскую, 17! Скорее!

Извозчик погнал свою лошадь.

* * *

Его, видимо, уже ждали. Подъезд и лестница были освещены, и едва Патмосов подъехал, как швейцар выскочил из подъезда и стал суетливо отстегивать полость.

— Пожалуйста! Барин ждет! Во второй этаж!

Патмосов сбросил швейцару шубу и стал подниматься по лестнице. Швейцар позвонил снизу. На площадку лестницы выбежал Колычев-отец, бледный, взволнованный.

— Что с ним? Что случилось? Рассказывайте! — Колычев схватил Патмосова за руку, повлек через анфиладу[45] комнат и остановился в маленькой гостиной. Красный свет фонаря смягчал бледность его лица.

— Что с ним? Все, все! По порядку!

Патмосов коротко рассказал все, что проглядел, и затем страшную развязку.

Старик упал на диван как подкошенный и закрыл лицо руками. Хриплый стон вырвался из его груди.

— Все! Сразу все! И сын, и доброе имя! Едем! — Колычев-старик быстро поднялся, лицо его стало спокойно и решительно. — Куда мы поедем?

— Сейчас к нему на квартиру, потом в сыскное. Я уже послал туда своего помощника.

— Тогда скорее!

У подъезда уже стояла собственная лошадь Колычева.

— Надеждинская улица. Это рядом.

Через три минуты они были у подъезда и звонили. Швейцар отпер дверь и почтительно вытянулся.

— Сын вернулся?

— Никак нет еще! — ответил швейцар.

Старик почти взбежал по лестнице. Патмосов едва поспевал за ним. Им отворили тотчас, и едва они вошли, как к ним выбежала жена Колычева.

Это была молодая женщина с прекрасным лицом. Теперь лицо это было бледно и искажено страхом, большие глаза припухли и были красны от слез.

— Папа, что с Мишей? — бросилась она к старику и, увидя Патмосова, отшатнулась. — Это вы говорили по телефону?

— Я, — глухо ответил Патмосов. — Я прошу вас не волноваться, но мы боимся за него. Он... он сильно проиграл и в отчаянье. Если он приедет.

— О, я не отойду от него. Я успокою его!

— Мы его теперь поедем искать!

— Господи! — вдруг с отчаянием воскликнула молодая женщина. — С ним револьвер!

Он всегда его берет с собою.

Патмосов на миг потерял самообладание.

— Не будем терять времени! Едем! — воскликнул он и бросился на лестницу.

Теперь Колычев-отец бежал за ним. Они вскочили в сани.

— На Офицерскую! — сказал Патмосов.

— Гони вовсю! — крикнул Колычев, и сани помчались по пустынным улицам.

— Как мы его найдем?

— Только случаем, — ответил Патмосов. — Я велел своему помощнику оповестить полицию, а та — гостиницы, но это нельзя сделать так скоро. Для быстроты я просто приказал арестовать его. Там же выясним остальное, лишь бы перехватить момент!

Сани летели, как ветер.

Вот и Офицерская. В сумраке ночи вырисовалось неуклюжее здание Казанской части. Над подъездом сыскного отделения тускло горел фонарь.

— Стой! — крикнул Патмосов.

Швейцар открыл дверь.

— Кто дежурный?

— Расовский, Карл Эмильевич!

— Семен Сергеевич приехал?

— С час времени!

Патмосов и Колычев поднялись на третий этаж, быстро прошли по пустому коридору и вошли в дежурную.

У телефона стоял Пафнутьев. Дежурный чиновник поднялся навстречу.

— А, Алексей Романович! — приветствовал он Патмосова.

Колычев-отец бессильно опустил на скамейку. Патмосов поздоровался с чиновником и спросил:

— Ну, что сделали?

— Как вы приказали. Да скоро, видите ли, не сделаешь. Вот сейчас еще Семен Сергеевич с Васильевской говорить будет. И тогда все. Надо будет ждать.

В этот момент Пафнутьев взял трубку и заговорил:

— Васильевская часть? Так! Говорят из сыскного. Сейчас оповестите по всем участкам, чтобы обошли все гостиницы и, если в какую из них приехал с полчаса назад господин, блондин средних лет, хорошо одетый... Да! Немедля арестовать, обыскать и дать

знать сюда! Поняли?... Да! да! да! Немедля!

Пафнутьев повесил трубку и обернулся к Патмосову.

— Все части оповестили, а что же дальше?

— Ждать.

— А откуда они выехали? — спросил дежурный.

— Из купеческого.

— Угол Графского и Фонтанки! Так. А не спросить ли, Алексей Романович, по ближайшим гостиницам? А?

— Понятно, можно. Только в таких случаях обыкновенно, когда человек придет в себя, то оказывается уже на другом конце города. Спросите!

— Гостиница «Москва».

Телефон заработал.

Время шло томительно медленно.

Колычев-отец сначала сидел, потом вскочил и начал нетерпеливо ходить по коридору. Патмосов сидел неподвижно, в сотый раз думая, что, не отвернись он тогда, и он поймал бы их за подменной колоды.

Вдруг зазвенел телефон, и в тишине пустых коридоров этот звонок отозвался чем-то

страшным и зловещим. Патмосов вскочил. Колычев в один миг очутился в дежурной комнате.

Дежурный снял трубку. Наступили томительные мгновения. Он слушал и говорил:

— Так. Так. Так.

Потом повесил трубку и обратился к Патмосову:

— Полчаса тому назад в «Варшавской» гостинице застрелился господин Колычев.

— Туда! — закричал истерически отец и побежал из сыскного.

Патмосов едва успел вскочить в сани.

— К Варшавскому вокзалу! В «Варшавскую» гостиницу! Гони! — закричал Колычев, и они снова помчались. Лошадь фыркала, разбрасывая пену, и казалась несущимся облаком.

— Застрелился! Застрелился! — бормотал старик, то кутаясь в шубу, то распахиваясь.

Патмосов молчал. Старик опять бормотал:

— А что же и сделать! Вдруг шулер! Директор банка! А? А растрата есть? Есть растрата?

— Надо думать, нет!

— Эх, Миша, Миша! И какая голова был!

Какое сердце! Эх! — и старик весь содрогнулся.

— Подъезд направо! Стой! — сказал кучеру Патмосов и потянул его за кушак.

* * *

В гостинице уже была полиция; коридорные и швейцар были растеряны. Управляющий был бледен и чуть не плакал.

— И что это за напасть! — жаловался он. — Месяца не проходит, чтобы кто-нибудь не застрелился!

— Где, где? — страшным шепотом спрашивал Колычев, идя по коридору.

— Сюда пожалуйста!

В номере собрались пристав, околоточный [46] и доктор. Городовой [47] стоял у двери и отгонял любопытных, которые вышли их кухни, из соседних номеров по коридору.

— Это отец! Пусти! — приказал Патмосов городовому.

У преддиванного стола, в кресле, неуклюже перегнувшись через ручку, полулежал труп Колычева. Расстегнутая сорочка была вся смочена кровью, в свесившейся руке был зажат револьвер. Лицо его было безмятежно

спокойно.

На столе лежали записная книжка, бумажник, кошелек, часы с цепочкой, два перстня и карандашом твердым почерком написанная записка:

«В бумажнике — 6700 рублей, в кошельке — 175 руб. 60 коп. и два купона. Часы и цепочка. Кольца с изумрудом и с бриллиантом. В смерти никого не винить. Жить не мог после позора, но совесть моя чиста. Колычев, Михаил. Надеждинская, 34».

Колычев-старик подошел, всплеснул руками и простонал:

— Миша! Миша, голубчик! Что ты сделал?

Околоточный поддержал его и опустил в кресло.

* * *

Самоубийство Колычева в свое время надедало шуму, особенно в среде игроков. Имя его было очищено от позора, но молодая жизнь погибла, и не всякий узнал истинную подкладку этого темного дела. Свищев, Калиновский и Бадейников были высланы из Петербурга.

Патмосов был угнетен. Он даже слег от

волнения, вернувшись с тяжелых похорон.

— Помни, Сеня, у всякого свои обязанности. Я за это дело не должен был и братья. Что я ему — нянька? Я предупредил его, он меня чуть не выгнал. Наше дело — найти преступника, открыть преступление!

— Но вы же сделали, что могли, — возразил Пафнутьев, — негодяи все-таки открыты и теперь высланы.

Патмосов слабо махнул рукой.

— Во-первых, они не обезврежены. Во-вторых, они сейчас высланы, а завтра будет новый градоначальник, и они вернутся. Эти мерзавцы ненаказуемы!

Слова Патмосова оправдались. Свищев, Калиновский и Бадейников снова в Петербурге и составляют то же товарищество на вере. Бадейников взял в аренду карточную игру одного из столичных клубов и благоденствует, собирая несчетные рубли с бедняков, предающихся азарту.

1909 г.

Примечания

1

Будуар — комната хозяйки в богатом доме.

[^^^]

2

Дисконтер — лицо, ведущее учет векселей.

[^^^]

3

Иван Дмитриевич Путилин — первый начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга.

[^^^]

4

Роты — исторический район Санкт-Петербурга.

[^^^]

5

Камера — присутственное место, канцелярия.

[^^^]

6

Косарь — большой русский хозяйственный нож с широким и толстым клинком.

[^^^]

Меблированные комнаты, род дешевой гостиницы в дореволюционной России.

[^^^]

Парусина — грубая, толстая льняная ткань.

[^^^]

9

Нанка — прочная хлопчатобумажная ткань буровато-желтого цвета.

[^^^]

Да! (нем.).

[^^^]

Ботвинья — холодный суп на кислом квасе.

[^^^]

Денщик — солдат-слуга при офицере до революции.

[^^^]

Портерная — пивной кабак.

[^^^]

Вершок — старорусская мера длины, равная 4,4 см.

[^^^]

Антиной — юноша-фаворит римского императора Адриана.

[^^^]

Женщина, кормящая грудью чужого ребенка.

[^^^]

Чесуча — плотная шелковая ткань.

[^^^]

Личарда — верный слуга из сказки о Бове-королевиче.

[^^^]

Лекок — сыщик из детективного романа Эмиля Габорио, популярного в XIX в.

[^^^]

Аршин — старая русская мера длины, равная 0,7112 м.

[^^^]

Коридорный — слуга в гостинице, дежурный по этажу, обслуживающий ряд гостиничных номеров.

[^^^]

Винт — карточная игра на четверых.

[^^^]

Ломберный стол — складной стол для игры в карты.

[^^^]

Робер (роббер) — круг игры, состоящий из трех партий.

[^^^]

Заступ — штыковая лопата.

[^^^]

Коломенка (коломянка) — плотная гладкая ткань из льна.

[^^^]

Действительный статский советник — гражданский чин IV класса в Российской империи, дававший право на потомственное дворянство.

[^^^]

Гласные думы — члены городских дум, земских собраний, выборные представители в Российской империи.

[^^^]

Чичероне — проводник, дающий объяснения при осмотре достопримечательностей.

[^^^]

Банк — карточная игра.

[^^^]

Маз — прибавка к ставке игрока другим игроком, дающая последнему право на долю в выигрыше.

[^^^]

Экарте — старинная карточная игра по типу преферанса.

[^^^]

Талия — круг карточной игры до окончания колоды у банкмета или до срыва банка.

[^^^]

Пороховые — исторический район на востоке Санкт-Петербурга.

[^^^]

Мезонин — надстройка над средней частью дома, полуэтаж.

[^^^]

Пунш — горячий алкогольный напиток, приготовляемый из вина или рома с добавлением фруктового сока или фруктов.

[^^^]

Здесь: упаковка.

[^^^]

Крап — разметка «рубашки», то есть оборотной стороны игральных карт.

[^^^]

Макао — популярная в начале XX в. азартная карточная игра.

[^^^]

Жир — карты, которые не имеют стоимости в очках.

[^^^]

Штос и стуколка — старинные карточные игры.

[^^^]

«Петербургский листок» — массовая городская газета в Санкт-Петербурге до революции.

[^^^]

Гарни — меблированные комнаты.

[^^^]

Понтирующий — играющий в банк против банкюмета.

[^^^]

Анфилада — длинный сквозной ряд комнат по прямой линии.

[^^^]

Околоточный — в Российской империи полицейский, ведавший небольшим районом города, околотком.

[^^^]

Городовой — нижний чин полицейской стражи в городе.

[^^^]